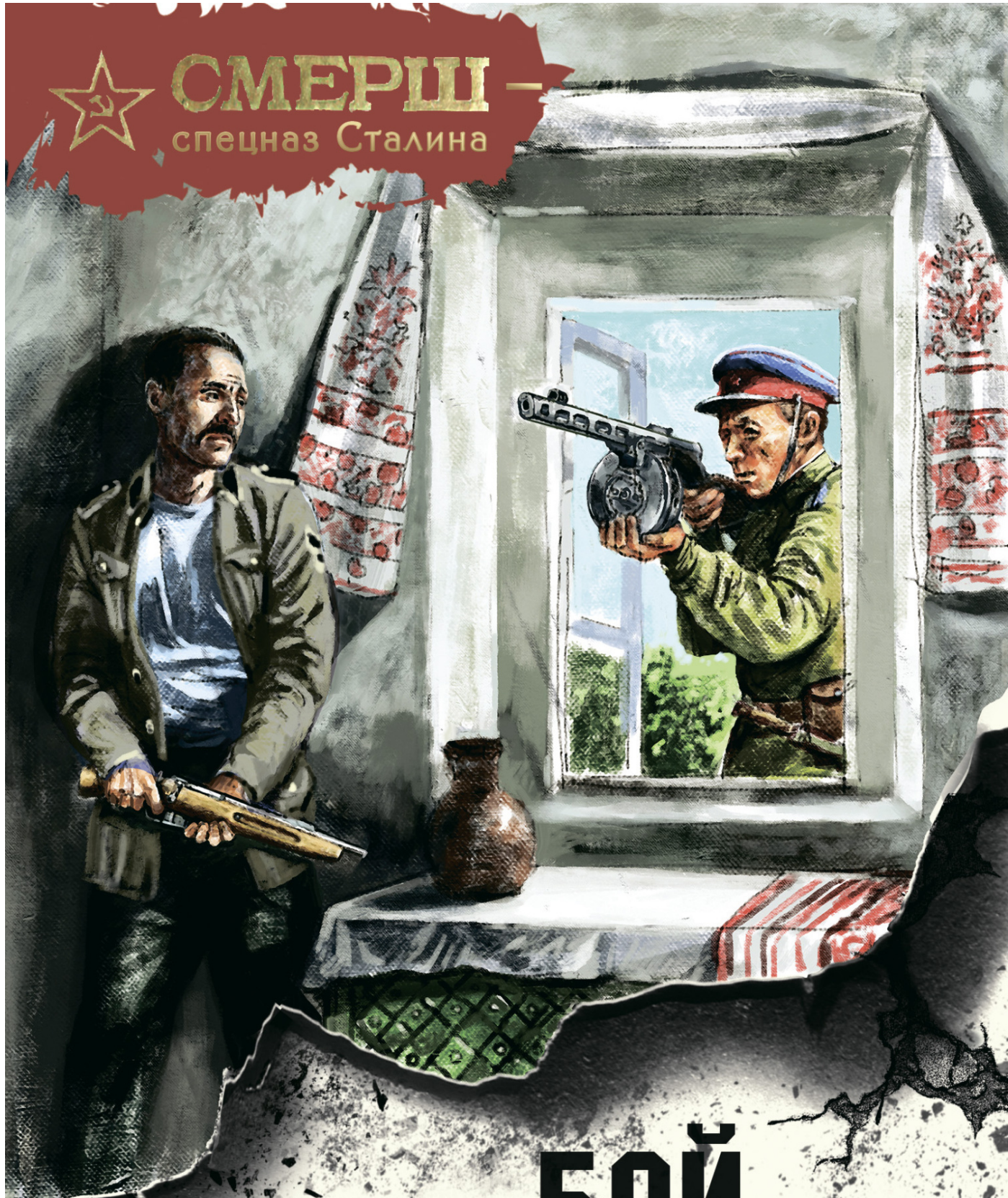

СМЕРШ
спецназ Сталина

БОЙ С НЕВИДИМКОЙ

Александр Тамоников

СМЕРШ – спецназ Сталина

Александр Тамоников

Бой с невидимкой

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Бой с невидимкой / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2022 — (СМЕРШ – спецназ Сталина)

ISBN 978-5-04-184546-9

Самые интересные романы о сталинском спецназе – СМЕРШе. Закончилась Великая Отечественная война. Но беспокойно на Западной Украине. Недобитые бандеровцы держат в страхе многие города и села. Особо лютует отряд под предводительством некоего Перемоги. Его подчиненные действуют оперативно и слаженно, при этом никто из них не знает главаря в лицо, но очень его боятся. Обезвредить опасного врага поручено группе майора СМЕРШа с позывным Марко. Опытный контрразведчик разрабатывает план по уничтожению банды, не предполагая, как страшно удивит оперативников результат этой операции... «Смерть шпионам!» (СМЕРШ) – это короткое и беспощадное название носило особое подразделение НКВД, подчинявшееся И. Сталину. Созданное в годы войны, оно состояло из проверенных в бою, честных и бесстрашных офицеров Красной Армии. СМЕРШа боялись все – и фашистские лазутчики, готовящие диверсии в наших боевых порядках, и гитлеровские приспешники, действующие в глубоком советском тылу. Враг знал: если на его след напали бойцы сталинского спецназа, справедливого и скорого суда не избежать. Романы серии «СМЕРШ – спецназ Сталина» – это каждый раз увлекательный динамичный сюжет и новые исторические знания, это экшен, написанный простым и понятным языком. Общий тираж книг А. Тамоникова – более 10 миллионов экземпляров!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-184546-9

© Тамоников А. А., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	18
Глава 3	24
Глава 4	29
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Александр Тамоников

Бой с невидимкой

© Тамоников А.А., 2022

© Оформление. «Издательство «Эксмо», 2023

Глава 1

Обычно они всегда приходили после полуночи – пришли после полуночи и на этот раз. В этом был свой резон. Ночь – лучшее время для злодейств. А они были злодеи. Народ называл их болотянки. По местным поверьям, это была нежить, которая днем пряталась в болотах, а по ночам выходила из болот, чтобы пить людскую кровь. Так когда же им было приходиться, как не ночью? Все резонно, все логично...

Они подошли к дому, стоявшему особняком на небольшой возвышенности посреди болота. В этой местности почти все дома стояли особняком, вдалеке один от другого, и почти все они были впритык к болотам, а то и на самих болотах, заросших осокой, лозняком и ольхой. Посреди болот тут и там высились островки – где большие, где крохотные, – и на этих островках селились люди. Иной раз они селились и у края болот. Больше селиться было негде. На этих островках люди строили себе дома, здесь же теснились сараи и загоны со скотиной, здесь же ютились огороды, а если островки были большими, то на них помещались даже нивы с рожью, ячменем и гречихой.

По сути, каждый заселенный островок был самодостаточным хутором, хотя формально все обитаемые островки были объединены в общее поселение под названием Острова. А какое же еще название можно было дать в этом случае? Название было по существу...

Таких хуторов в этом полесском краю было немало, а сам край имел еще одно название – уже не официальное, а народное, выстраданное, которое, если разобраться, всегда бывает точнее, правильнее официального, да и запоминается накрепко – так, что передается из поколения в поколение. Край назывался Заболотье. Да и как еще можно было его назвать, когда болота здесь были повсюду, они окружали эту обширную местность с трех сторон, и посреди самой местности они также расстилались повсеместно, если не считать упомянутых островков? Только так – Заболотье, и никак иначе.

Правда, была еще и четвертая сторона, восточная, не такая болотистая, а, наоборот, поросшая березняком, осинником и сосняком, и она, эта четвертая сторона, соединяла Заболотье со всем остальным миром. В ту сторону вела даже грунтовая дорога, и если летом не было проливных дождей, а зимой ее не заносило снегом, то по ней без особых трудностей можно было добраться до ближнего села или даже до районного центра, а оттуда, в случае надобности, и куда-нибудь подальше.

Были, впрочем, дороги и в другие стороны, через болота. Хотя, конечно, в полном смысле их и нельзя было назвать дорогами. Какие уж там дороги? Так, тайные тропы, где мощенные жердями, где и вовсе без жердей, но зато – с приметам, зная которые, можно было в случае крайней надобности перемещаться по таким тропам. Опасные это были пути, погибельные. Как говорится, лишний шаг влево, лишний шаг вправо, и... Но они были, они существовали испокон веку. И те, кто их знал, кто был знаком с приметам и указателями тех неверных дорог, случалось, ступали на них и уходили по ним в неведомые, почти погибельные болотные дебри. По тем же дорогам они приходили на Острова – если, конечно, не делали по нечаянности губительных шагов ни вправо, ни влево. А затем, если была нужда, возвращались по ним обратно в неведомую болотную полумглу...

...Итак, они пришли после полуночи. Из болот, по тайным тропам. Они скрывались в болотах, потому что где еще им было скрываться, коль они болотянки? Болотная полумгла – самое подходящее место для таких людей. Они подошли к дому, стоявшему особняком на одном из болотных островков. Конечно же, они старались ступать тихо, не шуметь и вообще быть невидимыми. Все разбойники поступают именно так, когда хотят совершить злодейство. Но никто в этом мире не может не производить шума. Где-то хрустнет сухая ветка, где-то чавкает под ногой болотная трясина, ухнет болото, захлопает крыльями вспугнутая птица, залает

собака на хуторе... Пока этот мир жив, он всегда будет наполнен всяческими звуками, и ничего с этим поделать невозможно.

В доме обитали двое – муж и жена. Его звали Василем, ее – Горпиной. Они были молоды, поженились лишь полгода назад. Дом, в котором они поселились, достался им от прадеда Василия. Это был старый, но вполне еще крепкий дом, в нем можно было жить и надеяться на человеческое счастье. Время было за полночь, и потому Василий и Горпина уже спали.

– Кажется, кто-то идет... – испуганно подняв голову, сказала Горпина. – Какой-то шум... Василь, ты слышишь?

– Какой шум? – проснувшись, спросил Василь. – Никакого шума... Вроде все тихо...

– Ну как же! – все тем же испуганным голосом возразила Горпина. – Шум... Будто бы чьи-то шаги... Вот птица закричала и захлопала крыльями... Не иначе, спугнул кто-то птицу!

– Может, какой-нибудь зверь, – неуверенно предположил Василь. – Или ветер...

– А если это они?

– Кто они? – переспросил Василь, хотя и переспрашивать ему было не нужно, так как он знал ответ на вопрос супруги.

– Те, кто на болотах, – полушепотом пояснила Горпина. – Болотяныки. От Перемоги... Люди говорят, что они, которые от Перемоги, каждую ночь приходят на какой-нибудь хутор. У кого-то забирают все харчи, а кого-то и убивают... Ты же слышал про Пилипчуков, которых убили позапрошлой ночью? Всех убили – даже детей. Даже старого деда Трохима... Сказали, что их послал Перемога. Убили, а дом и все хозяйство – сожгли.

– Так то – Пилипчуки, – неуверенно возразил Василь. – Петро Пилипчук – он ведь кем был? Он был секретарем в сельсовете. А нас-то за что убивать этому Перемоге? Мы сами по себе...

– Но ведь и тебе тот же Пилипчук предлагал работу! – в голосе Горпины послышалось отчаяние. – Заведовать пекарней в Березичах. Бросай, говорит, свой хутор и перебирайся в Березичи. Там и народу больше, и работа для тебя имеется...

– Так я ведь не сказал «да», – пожал плечами Василь. – Сказал, что подумаю...

– Думаешь, они будут разбираться, что ты сказал, а чего не сказал? – Горпина, казалось, вот-вот готова была разрыдаться. – Возьмут и убьют, как Пилипчука. И меня заодно. А дом – сожгут. Перемога – он человек страшный! Скольких он уже убил! Не он, так по его приказу! Разве мало люди говорят про этого Перемогу...

– Ну... – неопределенно произнес Василь, встал и приткнулся к окошку, пытаясь хоть что-нибудь разглядеть в кромешной тьме за тусклым стеклом. – Кажется, никого там нет. Да и тихо. Говорю же, зверь. Вот птица и испугалась.

– Какие такие звери могут ходить по нашим болотам? – печально спросила Горпина. – Разве только двуногие...

Василь хотел что-то сказать в ответ, но в это время во дворе залаяла собака. Причем не от собачьей скуки, а так, будто к дому подходит кто-то чужой. Очень скоро злобный собачий лай сменился отчаянным визгом, а затем и визг умолк. И тут же в дверь постучали. Стук был громким, уверенным. Так обычно стучат люди, пришедшие с недобрыми намерениями.

– Василь... – прошептала Горпина.

– Одейся! – коротко произнес Василь. Сам он также накинул на себя второпях какую-то одежонку, которую нащупал в темноте, и подошел к двери: – Кто там? Что надо?

– А вот мы сейчас тебе объясним, кто мы и что нам надо! – ответил мужской голос по ту сторону двери. – Открывай, иначе выломаем дверь! Или – подожжем дом. Вместе с тобой. Как тебе больше нравится – с тобой или без тебя?

– Носят вас черти за полночь! – проворчал Василь и отпер дверь. Ну а что ему оставалось делать?

В темном проеме распахнутой двери возникли человеческие силуэты. Кажется, их было четыре. Может быть, за их спинами таился еще кто-то, но в темноте разобрать было невозможно.

– Кто в доме? – спросил один из неизвестных.

– Я и жена, – ответил Василь.

– А кто-нибудь лишний – имеется? – спросил человек.

– Имеется, – зло произнес Василий. – Вы вот объявились...

– Никак угрожаешь? – хмыкнул неизвестный. Хмыканье это, сдается, было вполне беззлобным, так что Василь даже слегка приободрился: авось на этот раз пронесет.

– Да уж какие тут угрозы? – уныло произнес Василь. – Говорю то, что есть.

– Мы – не лишние, – все тем же беззлобным голосом произнес человек. – Мы – долгожданные гости. В любом доме. На любом хуторе. Разве не так? Или, может, ты ждал кого-то другого? Например, москалей? Так ты так и скажи. И тогда – нам сразу же все станет понятно...

– Никого я не ждал! – буркнул Василь. – Тем более москалей!

– А тогда – принимай гостей! – велел все тот же голос. – Да зажги свет! А то ведь лоб себе расшибешь у вас в потемках!

– А не боитесь – при свете? – не удержался Василь от вопроса, который, по сути, и не был-то нужен, так как неизвестно было, как к нему отнесутся незванные ночные пришельцы.

– А кого нам бояться? – голос из тьмы не рассердился, а, наоборот, даже рассмеялся от такого вопроса. – Тебя, что ли? Или, может, ты думаешь, что на свет огонька к тебе тотчас же сбегутся людишки из соседних хуторов? Кто это, мол, гостит в такое позднее время у Василя Гнатюка? Так ведь не сбегутся! Каждый сейчас сидит в своей хате, как те звери в норах! Хоть тебя убивай, а все равно никто не прибежит! Потому что – убивают не его, а тебя! У москалей есть такое слово – психология! Вот это она и есть! Ну так зажигай свет!

Тускло загорелась керосиновая лампа, и в ее свете Василь разглядел ночных гостей. Их было четверо, и все они были при оружии. Трое из них Василю были незнакомы, а вот четвертого он знал. Его звали Стась, и он был каким-то дальним родственником Василя. А родственника, хоть и дальнего, как не признаешь? Правда, видел его Василь уже давно, еще до войны, и вот теперь, когда война окончилась уже почти как три месяца назад, они встретились вновь. У Стася сызмальства было прозвище – Улыбка. И все из-за выражения его лица: казалось, он постоянно усмехается, причем усмешка эта была совсем не злой, а, наоборот, озорной и какой-то по-мальчишечьи беззаботной. А может, он и вправду все время усмехался – как знать? Бывают такие люди, которые и вправду все время улыбаются. Добрые они или злые, весело им или грустно, болит что-нибудь у них или не болит, а они все равно улыбаются. Вот и Стась, наверно, был из таких.

– Вижу, признал родственничка? – улыбаясь, спросил Стась у Василя.

– Признал... – неохотно ответил Василь. – Только вот говорили, что ты в тюрьмах... И что тебя убили...

– Как видишь, я живой, – беззаботно ответил Стась. – И – на воле. Умный человек всегда выкрутится из беды! А я человек умный... Значит, говоришь, признал, что я это и вправду я, а не кто-то другой?

– Говорю же, признал! – ответил Василь. – Тебя да не признаешь. Одна твоя улыбка чего стоит.

– Что ж, тем лучше. Потому как и разговор у нас предстоит родственный. Так сказать, по душам. О, а это кто же такая? – все с той же улыбкой глянул Стась на Горпину. – Неужто жена? Ну, ты молодец, родственник! Вот ведь какую панночку себе отыскал среди этих болот, будь они прокляты! Одобряю! Даже, можно сказать, завидую!

Он подошел к Горпине совсем близко, с усмешкой осмотрел ее с головы до ног, а затем двумя пальцами тронул ее за подбородок.

– Не лапай! – мрачно произнес Василь и встал между Стасем и Горпиной.

– А то что? – прищурился Стась. – Неужто вцепишься мне в горло? А дотянешься? Ну-ну, не зыркай! Не стану я трогать твою панночку. И они, – он оглянулся на своих спутников, – тоже не станут. Если, конечно, мы с тобой по-родственному сговоримся. Ну а если не сговоримся, тогда – что ж... Как говорят москали, возможны последствия. Хорошие все-таки выражения встречаются у этих собак-москалей! Грамотные! Уважаю грамоту! Мне бы, по-хорошему, не комаров кормить в этих окаянных болотах, а нацепить на нос очки и сидеть где-нибудь в кабинете – вот такой я человек! Но ничего, может, когда-нибудь я и сяду в том кабинете. Когда победим. Как ты считаешь, родственник, скоро мы победим?

– Если без тебя, то нескоро, – мрачно ответил Василь. – А с тобой так прямо-таки послезавтра.

Стась, услышав такие слова от Василя, беззлобно рассмеялся. Улыбнулись даже трое молчаливых и мрачных его спутников.

– Я тоже так считаю, – смеясь, сказал Стась. – Со мной – это быстро. Так что скоро победим. А потому – давай-ка мы присядем вот на эту лавку и побеседуем.

– Нам что же, есть о чем беседовать? – все так же мрачно поинтересовался Василь.

– Ну, у умных людей всегда найдутся общие темы для разговора! – махнул рукой Стась. – Так вот, родственничек. Значит, говоришь, покойный Пилипчук уговаривал тебя перебраться в Березичи? Предлагал хорошую работу... Хлебную работенку прямо-таки во всех смыслах. Москалей нашим хлебушком кормить. Ну и себя с твоей панночкой заодно. Себя и ее – это, конечно, правильно: времена нынче голодные. А вот кормить москалей – это, наоборот, неправильно. За такое нехорошее дело рано или поздно придется отвечать. Вот, скажем, Пилипчук – он уже ответил...

– А ты откуда знаешь, что мне предлагал Пилипчук? – удивленно спросил Василь.

– Ну что за вопрос? – С губ Стася не сходила усмешка. – Знаю вот... Мы всё знаем. И даже чуть-чуть больше, чем всё. Не в этом дело. А в том, что когда мы об этом узнали, то у нас возник по поводу тебя спор. Образовалась проблема, как говорят москали. Одни из наших сказали, что тебя, а заодно и твою кралю нужно немедленно убить, а хутор – сжечь. Потому что разве это дело – кормить москалей нашим хлебушком? Правильный украинец, дорогой ты мой родственничек, так не поступает. Ну а коль он неправильный, как, скажем, тот же покойный Пилипчук – так о чем и говорить? Пиф-паф, и все дела...

Василь слушал эти слова молча, с каменным выражением лица. Горпина, наоборот, испуганно вскрикнула.

– Да-да, именно так, – покосившись на Горпину, сказал Стась. – А иначе как? Иначе никак. Москали – наши враги, и тот, кто их кормит хлебушком, тоже наш враг. А врагов мы убиваем.

Он помолчал, явно выдерживая психологическую паузу, а затем продолжил:

– И убили бы тебя! Точно – убили бы! Как того же Пилипчука и еще многих... Не случись тут я. Это какой же, спрашиваю, Василь Гнатюк? А такой-то и такой то, отвечают мне. Э, говорю я, так он вроде мне дальний родственник! И что с того, отвечают мне? Родственник или не родственник, а коль проданся москалям, то награда одна! И это, говорят, даже не наши слова, а так говорит Перемога! А Перемога наш командир! Он наш отец! А, значит, напрасно не скажет. Так-то оно так, отвечаю, а только вы все равно погодите. Убить – это дело простое, это мы всегда успеем. А вот я прежде поговорю с ним по-родственному. Это о чем же, спрашивают меня мои братья-друзья? А вот о чем, отвечаю... И – изложил им свой план. А что, говорят, это дело! Попробуй. А только если он не согласится, тогда, конечно, поступай так, как оно и полагается. И как велит наш командир Перемога. А еще, говорят они, жинка у того Василя Гнатюка очень пригожая! Так что прежде чем их порешить... Ну, тут и без моих объ-

яснений все понятно. И вот я здесь, и со мной – мои братья-товарищи. И все будет зависеть от нашего разговора.

– И о чем разговор? – после молчания спросил Василь.

– О твоей хлебной должности, – сказал Стась. – Той, которую предлагал тебе покойный Пилипчук.

– Так я же не согласился! – с отчаяньем в голосе произнес Василь. – Я сказал, что подумаю! Подумать – это не значит согласиться!

– А ты не думай, – спокойно сказал Стась. – Ты соглашайся.

– Это как же так? – не понял Василь.

– А вот так, – дурашливая ребячья улыбка не сходила с лица Стася. – Соглашайся, и все тут. Без промедления. Бери свою кралечку в охапку и беги с нею в Березичи. И начинай кормить москалей хлебушком. Да хорошо начинай, усердно! Так, чтобы они были рады-раде-хоньки и не захотели тебя оттуда выгнать!

– Это почему же так? – не мог понять Василь, чего от него хотят незваные гости.

– А потому, что ты нам еще понадобится, – пояснил Стась. – Именно как заведующий пекарней.

– Что, красть хлеб и переправлять его вам? – спросил Василь.

– Красть – слово неправильное, – наставительно произнес Стась. – Это – наш хлебушек. Разве можно красть у самого себя? А в остальном ты прав. Нас – много, и нам нужен хлеб.

– Но ведь меня поймают! – тоскливо произнес Василь.

– Ну, когда это еще будет! – беспечно махнул рукой Стась. – А то, может, и вовсе не поймают. Если все будешь делать с умом. Да ты не опасайся, мы всему, что нужно, научим!

– Значит, снабжать вас хлебом... – в раздумье проговорил Василь.

– Им, родимым! – подтвердил Стась. – До поры до времени...

– Это как же? – глянул на него Василь.

– А вот это ты узнаешь в свое время! – Голос Стася стал отчетливым и жестким, хотя усмешка все так же не сходила с его лица. – Для начала тебе хватит и того, что я сказал. Ну, так как же, дорогой родственничек? Ты согласен помочь нашей борьбе за самостийную Украину?

– Мне надо подумать, – после молчания сказал Василь.

– Э, нет! – решительно произнес Стась. – Тут – никаких раздумий. Или «да», или «нет». Лучше, конечно, тебе сказать «да». Потому что если «нет»... – Стась встал со скамьи и вновь подошел к Горпине. – Нет, и вправду жинка у тебя чудо как хороша! Какие плечи! А грудь! Ух! Да и жизнь у тебя, родственничек, как ни думай, а одна. Равно как и у твоей жинки. Так что не до размышлений.

– Черт вас принес! – в сердцах сказал Василь. – Жил себе и жил... Нате вам, приперлись!

– Так ведь – святая битва! – спокойно возразил Стась. – А ты хочешь остаться в стороне...

Так нельзя! Сегодня долг каждого честного украинца... – он не договорил и в упор глянул на Василя: – Ну, так как?

– И что мне делать? – спросил Василь.

– Вот это уже похоже на слова честного украинца! – Улыбка Стася вновь стала дурашливой и ребячьей. – К чему сомнения и терзания, когда перед нами – святая цель? Ты спрашиваешь, что тебе делать? Перво-наперво – вот тебе бумажка и карандаш. – Стась полез за пазуху и вытащил оттуда клочок серой бумаги и огрызок карандаша. – Я буду диктовать, а ты пиши.

– Что писать? – не понял Василь.

– Пиши. Я, Василь Семенович Гнатюк, обязуюсь добровольно помогать украинской повстанческой армии в ее борьбе против москалей и коммунистов за самостийную Украину... Пиши, что ты на меня уставился? А ты думал как? Мы, конечно, поверим тебе на слово, но бумажка – она тоже имеет свою цену. Еще какую! Если ты будешь знать, что на свете существует такая бумажка, то, я так думаю, к москалям ты не переметнешься. Потому что если ты

побежишь к москалям, то мы им эту бумажку покажем!.. И знаешь, что они с тобой сделают, когда прочитают эту бумажку? С тобой, а заодно и с твоей жинкой? Вижу, догадываешься... Написал? Пиши дальше. В целях конспирации избираю себе прозвище... придумай сам какое-нибудь прозвище...

– Это еще зачем? – удивился Василь.

– Так полагается, – пояснил Стась. – У нас у всех прозвища. Мы-то и по именам друга друга не знаем, а только по прозвищам.

– И у тебя тоже есть прозвище? – спросил Василь.

– И у меня.

– Какое?

– Не твое дело. Ты думай над своим.

– Косарь, – после короткого размышления сказал Василь. – Люблю косить сено по болотам.

– Ну, пускай будет Косарь... Значит, пиши: в целях конспирации избираю себе прозвище Косарь. Написал? А теперь – поставь сегодняшнее число и год. Какое сегодня число?

– Уже первое августа, – припомнил Василь.

– Вот так и пиши: первое августа, тысяча девятьсот сорок пятого года. И поставь свою подпись. Все написал?

Стась взял исписанную бумажку, подошел ближе к лампе и стал ее внимательно читать.

– Вроде все правильно, – сказал он. – Молодец, родственничек. Теперь ты – наш человек. Значит, так. Завтра же перебираешься в Березичи. Послезавтра – устраиваешься на работу. Через неделю к тебе придет наш человек. Он передаст привет от Перемоги. Поступишь в его распоряжение. Он научит тебя, что и как делать. Все понял или есть вопросы?

– Вроде бы понял, – неохотно ответил Василь. – Вот только завтра перебраться в Березичи не смогу.

– Это почему же?

– Так ведь – хозяйство, – сказал Василь. – Пока упакую пожитки, пока то-се... Да и скотину надо перегнать в Березичи. А это дело хлопотное.

– Хозяйство, пожитки, скотина... – Жадный ты, я гляжу, до всякого добра. А это плохо.

– Не всем же шастать по лесам да болотам, – не удержался Василь. – Надо кому-то и хлеб растить.

– И кормить им москалей... – презрительно и вместе с тем задумчиво произнес Стась. – Ладно, родственничек. Дискуссии отменяются, как любят выражаться москали. Потому как – мне некогда. У меня еще этой ночью дела... Даю тебе на все про все три дня. И на скотину, и на пожитки... Но чтобы через три дня ты уже был в Березичах! Понятно тебе? И смотри у меня! Ох, Василь Гнатюк, смотри же! Помни, что твоя жизнь в моих руках! И твоей кра-лечки-жинки – тоже.

– Я запомню... – глядя в стену, произнес Василь.

– Хотелось бы... Ну, браты, пойдем отсюда. Делать нам здесь больше нечего, потому как мой родственник Василь Гнатюк – отныне наш человек. Да, и не Василь Гнатюк он отныне, а Косарь. Так и запомните.

Один из спутников вполголоса сказал Стасю несколько слов.

– И харчей мы у них отбирать тоже не будем! – решительно произнес Стась. – Свои у своих хлебушек не отнимают. Разживемся в другом месте. У чужих... Да, родственничек, а собачку мы твою того... Пришибли колом. А то что же она гавкает? Нам лишний шум ни к чему. Так что ты уж извини – за собачку...

* * *

Когда шаги Стася и его спутников затихли в темноте, Василь выдохнул, в изнеможении опустился на скамью и долго сидел, неподвижно глядя в стену. Керосиновая лампа чадила, мигала и трещала, но Василь лишь коротко и бездумно поглядывал на нее, а затем опять упорно начинал смотреть в стену. У него просто не было сил, чтобы встать и поправить лампу.

Горпина понимала его состояние и не мешала Василию ни действием, ни словом. Хотя и, в отличие от мужа, она сейчас была как-то по-особенному беспокойна и деятельна. Ей мучительно хотелось что-то делать, двигаться, куда-то идти – невзирая на то что сейчас была темная ночь, впрочем, и идти-то было некуда. Чтобы хоть как-то унять распиравшую ее нездоровую, необъяснимую энергию, она вышла во двор, в темноте наткнулась на неподвижно лежащую собаку, вздрогнула, вернулась в дом, заперла дверь, прислонилась к холодной печи и закрыла глаза.

– Ушли, – наконец сказал Василь.

– Да, ушли, – отозвалась Горпина. – Но они вернуться.

– Если мы не уедем в Березичи, то вернуться, – согласился Василь.

– Ты хочешь ехать в Березичи?

– А разве у нас есть выбор?

– Но...

– Разве они оставили нам выбор? – повторил Василь.

Горпина ничего не ответила, лишь вздохнула.

– Вот видишь, – сказал Василь. – Нет у нас выбора... – Он помолчал и добавил: – Пускай бы они меня убили. Мне не страшно. Я боялся за тебя. Этот Стась... Он будет убивать и улыбаться. Улыбаться и убивать... Люди, которые убивают и улыбаются – это не люди. Это нелюди. Нелюдей надо бояться. Потому я и боялся. За тебя.

– Но, может, он и не улыбается, – не согласилась Горпина. – А просто у него такое лицо...

– Да, лицо... к которому намертво приросла усмешка. Я в детстве видел похожую картинку. Мне ее показывала бабушка. Я спросил: «Бабушка, почему он все время улыбается? Кто это?» – «Это – нежить», – сказала мне бабушка. «Почему», – спросил я? «Потому что человек не может всегда улыбаться, – сказала мне бабушка. – Человек хоть иногда должен плакать».

– И что же мы будем делать? – спросила Горпина.

– Дождемся утра, похороним собаку, погрузим барахло в бричку, привяжем к бричке нашу корову, запряжем в бричку нашего Сивка, да и поедем в Березичи. Что же еще?

– А наши гуси и куры?

– Вернусь из Березичей и заберу курей и гусей. В одну бричку всего не поместишь. Придется делать две ходки. Ничего, тут не так и далеко.

Они замолчали. Поздняя предрассветная ночь смотрела в оба оконца их домика – того самого домика, который они скоро должны были покинуть. Где-то вдалеке на болотах кто-то тяжело и надсадно ухал. Люди говаривали, что это водяной: ему полагалось ухать по ночам, чтобы пугать тех, кто не спит в такой поздний час. Кто знает, может, это и вправду был водяной? Где же еще ему водиться, как не на полесских болотах? Гиблые это были болота, бескрайние и бездонные – как раз самое подходящее жилище для водяного.

* * *

Покинув хутор, на котором проживали Василь и Горпина, Стась и его три спутника отправились на соседний островок. Там тоже располагался хутор, и он, этот хутор, как раз и был их целью. На хуторе вместе с женой, двумя детьми и стариками-родителями проживал

Евген Снигур, командир отряда «ястребков». Так в здешних краях называли добровольцев, которые вызвались бороться с лесными бандитами.

Быть командиром «ястребков» и жить на отдаленном хуторе, да еще с женой, малыми детьми и стариками-родителями было делом опасным. «Ястребков» бандиты ненавидели лютой ненавистью, впрочем, и сами «ястребки» платили бандитам тем же самым. Это была борьба, в которой никто никого не щадил – ни «ястребки» бандитов, ни бандиты «ястребков». Но одно дело – сражаться, когда ты – один и потому рискуешь только своей собственной жизнью, и совсем другое дело – когда у тебя на руках и стар, и мал, и жена рядом. Поэтому-то Олена, жена Евгена, уж как только не отговаривала мужа от его затеи идти в «ястребки», да еще и быть их командиром!

Но от всех жениных уговоров и причитаний Евген лишь отмахивался: мол, кто же даст отпор бандитам, если не мы сами? Советские солдаты? Ну так они далеко. Местное отделение милиции? Ну так их там всего пятеро. Значит – мы сами, больше некому. Да и потом – надоело бояться! Что это за жизнь, когда боишься каждого стука в дверь и каждого шага за спиной? Да и бандитского главаря Перемогу следует наконец изловить и предать суду, а то ишь, какой неуловимый! Вроде бы он и есть – вот, его именем даже пугают малых детей, – а вроде бы его и нет. Потому что никто его не видел, а только о Перемоге слышал. Хотелось бы наконец увидеть, на что он похож, этот самый Перемога! А с хутора мы обязательно съедем. Вот отыщем подходящий домик в Березичах – и сразу же съедем! Не завтра, так послезавтра. А уж через неделю – так в обязательном порядке! А пока что и беспокоиться не о чем. Пускай только кто-нибудь сунется на наш хутор! Видите, у меня автомат? А еще целых шесть штук гранат! Вот такой был ответ Евгена на причитания жены, да и на уговоры стариков-родителей тоже.

Вот к нему-то, к командиру «ястребков» Евгену Снигуру, и направлялись сейчас четверо националистов во главе со Стасем. И еще четверо поджидали их невдалеке от хутора, укрывшись в ольшанике. Евген Снигур слыл человеком бесстрашным и отчаянным, да к тому же он был при оружии, так что вчетвером бандиты с ним, наверное, и не справились бы. А восемь человек – это уже сила.

Четверо ожидавших бесшумно вынырнули из тьмы, как только Стась и его спутники подошли к кустарнику.

– Улыбка, это ты? – спросил вполголоса кто-то.

– Черт с рогами, а не я! – раздраженно ответил Стась. – Сколько раз вам говорить – не высовывайтесь все сразу! А если бы это был не я с братьями, а «ястребки»? Или, скажем, солдаты? Что тогда?

– Да откуда им тут взяться в такой час! – хмыкнул кто-то. – Дрыхнут сейчас и «ястребки», и солдаты! А мы – вот они!

– Ох, Кущ, доведешь ты когда-нибудь меня до греха! – прошипел Стась. – С тебя, дурака, пользы мало, зато вреда – полная телега с верхом! Тебя проще утопить в болоте, чем что-нибудь тебе объяснить!

– Эге! – самодовольно отозвался Кущ. – А вот сейчас мы придем на место, и тогда ты увидишь, какая от меня польза!

– Все, цыть! – отозвался Стась. – И – пошли, пока не начало светать! Действуем по плану!

Оконца в доме, где проживал Евген Снигур с семьей, не светились. Там, наверно, все спали. Стараясь ступать бесшумно, бандиты прошли по настилу из жердей, который соединял островок с другими островками. Иной раз кто-то из них оступался и попадал одной ногой в болото – ведь было темно. Без того чтобы не оступиться, по болотам невозможно пройти даже днем, не говоря уже о ночи. На каждый опрометчивый и неверный шаг болото отвечает отчетливым квакающим звуком. Этот звук обычно довольно-таки громкий, и потому его слышно издали. Особенно – ночью, когда никакие другие звуки не могут его заглушить, потому что по ночам всяких посторонних звуков мало. Ночи в полесских болотах тихие.

Поэтому, когда кто-то из бандитов оступался, все другие тотчас же замирали и вслушивались в темноту – не раздастся ли со стороны недалекого хутора какой-нибудь ответный звук. Любой звук со стороны хутора – это было плохим знаком для бандитов. Это означало, что на хуторе услышали кваканье болотной трясины, определили, из-за чего болото квакает, пробудились и приготовились к обороне. И попробуй с ними справишься, даже если вас восемь человек! Они-то, на хуторе, у себя дома, а значит, им известны все ходы, выходы, переходы и укрытия, а ты здесь – пришлый, и ничего этого ты не знаешь. Да плюс к тому мешает видеть густая предрассветная темень. А потому того и гляди попадешь сдуру под автоматную очередь. Не любили бандиты иметь дело с теми, кто давал им отпор. Куда как проще, безопаснее и приятнее ворваться в дом, когда в нем все спят. Тут уж ты – полноправный хозяин и вершитель судеб.

Но как ни вслушивались и ни всматривались бандиты в темень, на хуторе все было тихо. Ни голосов, ни шорохов, ни огонька. Крепко, должно быть, спал Евгений Снигур и прочие обитатели хутора...

Выбравшись наконец на сушу, бандиты бесшумным кольцом окружили единственный на островке дом. Рядом с домом темнели еще и всякие хозяйственные постройки, но на них бандиты особого внимания не обращали. Дом – вот что было для них главным. Потому что именно в доме должны были сейчас находиться и сам Евгений Снигур, и все его семейство, над которым бандиты должны были учинить расправу. То есть – убить всех, а не только Евгения Снигура. Таков был приказ. Так приказал Перемога. А, значит, так тому и быть, потому что не выполнить приказ Перемоги было делом немыслимым. Тот, кто приказ не выполнил, сам себе подписывал смертный приговор, и приговор этот всегда исполнялся быстро и неминуемо. Перемогу не интересовали причины, из-за которых приказ не выполнялся. Перемогу интересовал лишь результат.

Пятеро бандитов расположились у окон дома, а трое – Стась, Лут и еще один, которого все звали Гусак, бесшумно приблизились к двери. И дружно ударили ногами в дверь. Расчет был на внезапность: вот от мощных ударов дверь откроется, и бандиты тотчас же ворвутся в дом. А там будет видно... Вернее сказать, там – все будет понятно и просто. Человек, застигнутый врасплох, да еще и спросонья, обычно не сопротивляется. Даже если этот человек – Евгений Снигур. Ну а если на дверях слишком крепкие запоры и она выдержит удар сразу тремя ногами, тоже не беда. Есть еще окна. А уж их-то можно вышибить одним ударом приклада...

Видать, на двери были не очень крепкие запоры, потому что она поддалась после первых же трех ударов. Да и не просто отворилась, а даже соскочила с петель. Трое бандитов ворвались в дом. Тотчас же зазвенели стекла и затрещали рамы – это другие бандиты высаживали прикладами окна, и через оконные проемы также вваливались в дом. Не все, впрочем, а лишь трое из них. Еще двое остались на всякий случай на улице. А то вдруг кому-нибудь из жильцов каким-то непостижимым образом все же удастся покинуть дом! Ну так беглец далеко не уйдет... Вот это и был тот самый план, о котором упоминал Стась. Все просто и беспощадно. Смерть – она всегда проста и беспощадна...

В доме было всего две комнаты – об этом бандиты знали. Оказавшись в доме, двое из них тотчас же ринулись во вторую комнату, а трое – остались в первой комнате.

– Всем лежать! – заорал Стась. – Никому не двигаться! Убьем! Свет! Где лампа? Лут, зажги свет!

Керосиновую лампу в полесской хате найти несложно – она всегда висит либо на стене, либо под потолком. В этой хате она висела на стене. Она даже не была полностью потушена – в ней тлел едва заметный синий огонек. Это было логично и понятно – в доме ночевали дети и старики. А они порой просыпаются по нескольку раз за ночь. И чтобы каждый раз не зажигать лампу заново, в ней оставляют на ночь гореть тоненький, едва заметный огонек.

Лут нащупал лампу, хмыкнул и добавил света. На постели была только женщина и двое детей. Забившись в угол, они испуганно смотрели на ворвавшихся в их дом людей. Стась стремительно огляделся – в комнате больше никого не было.

– Что в другой половине? – крикнул он.

– Здесь только дед с бабой, и больше никого! – ответили из другой комнаты.

– Где муж? – улыбаясь, спросил Стась у женщины, и эта его улыбка выглядела в полутьме особенно зловеще, будто бы Стась и вправду был не человеком, а некой ночной нежитью. – Я у тебя спрашиваю, красотуля! Где твой муж?

– А нет его! – дрожащим голосом ответила женщина. – В Березичах он... Там, наверно, и заночевал. Ага...

– А, сто чертей в печенку! – выругался Стась и стал лихорадочно размышлять. По всему выходило, что Евгена и впрямь нет сейчас дома. Потому что если бы он был – уж он бы дал о себе знать. Как-никак его семье угрожала опасность, а Евгений – человек отчаянный и бесстрашный. И потому если он не дает о себе знать, то, стало быть, его и вправду нет сейчас дома.

– Когда будет? – отрывисто спросил Стась у женщины.

– Не знаю... – прижимая к себе детей, ответила женщина. – Должен был уже вернуться, но почему-то не вернулся.

– Вот зараза! – еще раз выругался Стась.

Коль женщина не соврала, то по всему выходило, что расправиться с Евгеном Снигуром на этот раз у бандитов не получится. Не ждать же его целый день до самого вечера! Любой хутор – место заметное, тут особо не укроешься. Обязательно кто-нибудь заметит и донесет! А донесет – тотчас же придут «ястребки» или милиция. Да если даже и не заметит, толку от этого все равно немного. Не заметят Стася и других бандитов, так обязательно обратят внимание на то, что вот-де, уже и день в разгаре, а на хуторе Евгена Снигура никто из людей не показывается, лишь голодная скотина надрыдается криком... А, значит, там что-то случилось. Никто, конечно, на хутор в разведку не побежит – побоятся, но вот донести – донесут обязательно.

А из этого всего следовало лишь одно – из хутора надо уходить. Причем как можно скорее, пока не занялся рассвет. Но, конечно же, уходить не просто так, а с последствиями. И притом это должны быть такие последствия, чтобы Евгена Снигура скрутило от них буквально-таки в бараний рог! Чтобы он от этих последствий не мог ни вздохнуть, ни выдохнуть, чтобы он так и оставался всю свою жизнь – сколько там еще ему отмерено, – так и маялся, скрученный от горя, от которого нет и не может быть избавления! И это, пожалуй, будет даже лучше, чем смерть самого Евгена Снигура! Мертвому-то что? Ему на этом свете уже ничего не надо! А вот когда ты живой... Вот и поживи, и помучься от невыносимого горя и от мысли, что уже ничего нельзя поправить! Это, пожалуй, будет страшнее смерти.

– Так... – произнес Стась и с усмешкой посмотрел на женщину с детьми.

И было в этой усмешке нечто такое, что женщина мгновенно поняла, что сейчас произойдет. А поняв, она широко раскрыла глаза и еще крепче прижала к себе детей.

– Люди добрые!.. – прошептала она. – Не убивайте! Пощадите детей! И меня пощадите! В чем я перед вами виновата? В чем виноваты мои детки?

– А не надо было твоему мужу записываться в «ястребки»! – спокойным, почти безразличным тоном произнес Стась. – Да еще командиром!

– Так это ж он... – едва слышно прошептала женщина. – Это ж не дети...

– Вставай, – прежним тоном проговорил Стась. – И дети – тоже... Лут, помоги. И выводи их во двор.

Лут молча оскалится, подошел к постели и сорвал с женщины и детей рогожу, которой они укрывались. Женщина не хотела вставать: может, у нее не было на это сил, а может, она надеялась, что вот так, сидя в постели и прижимая к себе детей, она тем самым сохранит жизнь

и себе, и детям. Лут схватил женщину за плечо и буквально вышвырнул ее с постели. Женщина упала на пол, Лут ее подхватил и поволок к выходу. Дети заголосили. Стась кивнул Гусаку, тот ухватил детей за рубашонки и, как щенят, также поволок их во двор. В это же самое время из другой комнаты Лут вывел старика и старуху.

Сжигать в доме женщину, детей и стариков Стась не хотел. Ему хотелось, чтобы их тела лежали на фоне пепелища, которое останется от хутора. Так будет поучительнее: и для самого Евгена Снигура, и для всех прочих, кто еще раздумывает над тем, податься ли в «ястребки» или каким-то другим способом помочь советской власти. Так будет страшнее...

Глава 2

Конечно же, жители соседних хуторов слышали выстрелы на хуторе, где жил Евгений Снигур с семьей, и тем более видели пламя, взметнувшееся к предрассветному небу почти сразу же вслед за выстрелами. Вывод здесь мог быть лишь один – ночью на хутор пришли болотянки. Никто из соседей, понятное дело, не побежал на помощь семье Снигуров, потому что – чем тут поможешь? И не поможешь, и сам угодишь под шальную бандитскую пулю.

Но как только миновала ночь, в Березичах, где находилась и милиция, и штаб «ястребков», и все прочие органы местной власти, все тотчас же узнали о случившейся ночью на хуторе беде. Мигом были подняты по тревоге все представители власти, да и простого народа на главной сельской площади собралось немало. Народ гомонил, шелестел, тревожно переговаривался, женщины причитали... «Снигур... Снигур... Снигур...» – только и слышно было в толпе.

Сам Евгений Снигур прибыл чуть позже остальных. Люди, как только его увидели, тотчас умолкли, но Евгений не обратил на это зловещее молчание никакого внимания. Стремительно поднявшись на крыльцо, он вбежал в помещение сельсовета. Здесь уже находился и местный участковый Павло Онысько, и все пятеро его подчиненных-милиционеров, и добрый десяток «ястребков», и председатель сельсовета Михайло Хижняк, и еще кто-то... Все шумели и галдели, кто-то кому-то что-то доказывал, кто-то с кем-то не соглашался... В общем, все вели себя так, как оно и бывает в случаях, когда страшная беда застала тебя врасплох. Но как только Евгений появился в помещении, все разом умолкли и стали смотреть на Евгения. В этих взглядах было что-то такое, что мигом заставило Евгения побледнеть.

– Что? – хриплым голосом спросил он. – Что случилось? Что это вы все на меня уставились?

Первым опомнился участковый уполномоченный Павло Онысько. Страшно кривя лицо и стараясь не смотреть Евгению в глаза, он подошел к нему и сказал:

– Так ты, оказывается... тебя, значит, не было ночью на хуторе?

– Я ночевал в Березичах, – ответил Евгений. – А что такое?

– Сегодня ночью... У тебя на хуторе...

– Что?! – повторил Евгений вопрос и не расслышал своего голоса. – Что – у меня на хуторе?!

– Сожгли хутор, – глядя куда-то в сторону, сказал участковый. – И еще – стреляли. Так говорят люди. А большего я пока не знаю. Вот сейчас поедem туда – и все узнаем...

Слова, сказанные участковым, были предельно просты, но их смысл, казалось, все равно не доходил до Евгения. Лишь лицо его еще больше побледнело, да рука сама собою потянулась к автомату, висевшему у него за спиной. Павло Онысько молча положил руку Евгению на плечо и, преодолев себя, глянул ему в глаза.

– Сейчас поедem... – сказал он. – И все разузнаем на месте. Может быть... – он не договорил и отвернулся. – Тебе тоже надо ехать. Сам понимаешь...

– Понимаю, – отозвался Евгений, на лице которого застыло выражение боли и страдания.

Выехали скоро, буквально через несколько минут, на трех подводах, запряженных лошадьми. Никакого другого транспорта у здешней советской власти не было. Ехали недолго, не больше получаса. Подъехали к болотам и остановились. Дальше предстояло идти пешком по жердяным настилам и прыгая с кочки на кочку. Но вначале все приехавшие быстро рассредоточились, укрылись за деревьями, за телегами и в ямах и осмотрелись. Такие их действия были логичны и понятны. Бандиты знали, что ранним утром к хутору, где случилась трагедия, подъедут представители советской власти. А это очень удобный момент, чтобы у самого края болот устроить засаду. Бывали такие случаи.

Но на этот раз, похоже, никакой засады не было. Милиционеры и «ястребки» подождали, повертели головами, прислушались, затем осторожно начали покидать свои укрытия, и, перебегая от дерева к дереву, обследовать местность. Похоже было, что на этот раз бандиты никакой засады у болот не устроили.

– Два милиционера и пятеро «ястребков» – в головной дозор! – скомандовал Павло Онысько. – Три милиционера и еще пятеро «ястребков» – замыкающие! Да не забывайте смотреть по сторонам и под ноги! А то вдруг они оставили «жабу»...

«Жабами» назывались мины, которые бандиты любили расставлять по дорогам и тропинкам. А еще – обычные гранаты с проволочкой, привязанной к чеке. Наступишь на такую мину или заденешь ногой проволочку – и тут же последует взрыв. Случалось, что на «жабах» подрывались и люди, и скотина. Всякое бывало в здешних местах.

Но на этот раз никаких «жаб» бандиты после себя не оставили. Да оно и понятно: время было ночное, а уходили они второпях, чтобы их не застал рассвет – тут уж не до мин.

Путь к хутору, где ночью совершилось злодейство, проходил мимо другого хутора, на котором жили Василь и Горпина. Расстояние между двумя островками было недалеким, и Василь с Горпиной, конечно же, слышали выстрелы и видели зарево на соседнем островке. И они прекрасно понимали, что это за выстрелы и что горит у их соседей. Но что они могли поделать, даже если бы и хотели помочь?

Но им было не до соседских трагедий. Они торопились похоронить убитую собаку – видимое доказательство того, что на их хуторе ночью также побывали болотянки. Закопать собаку для них было очень важным делом. А то вдруг кто-нибудь – милиционеры или «ястребки» – обратят на собачий труп внимание и начнут расспрашивать: а почему, а что, а как? И прознают в итоге, что и на их хуторе также побывали бандиты те самые, которые расправились с семьей Евгена Снигура и сожгли соседний хутор. А прознав, разузнают также и о ночном сговоре между Василем и Стасем. А уж этого, по мнению Василя и Горпины, никак нельзя было допустить. Потому что из-за этого сговора их ждала непременная для них беда, причем хоть от одной, хоть от другой стороны. Между двумя огнями оказались Василь и Горпина, а потому – лучше уж спозаранку похоронить убитую собаку. Нет убитой собаки – нет никаких доказательств пребывания на хуторе бандитов.

Но, конечно же, они видели, как по узким жердяным настилам мимо них в сторону сгоревшего хутора проходят люди. Много людей: и милиционеры, и «ястребки», и еще кто-то... Даже, кажется, сам хозяин хутора – Евгений Снигур. Оказывается, его-то ночью и не убили.

– Будьте на месте! – мимоходом окликнул Василя и Горпину участковый Павло Онысько. – Позже я к вам заскочу. Побеседуем...

– Ага, ага! – закивали Василь и Горпина.

* * *

На островке было уже немало людей – обитателей соседних хуторов. Люди стояли молча, почти не шевелясь и стараясь не смотреть друг на друга. Увидев приближающихся милиционеров и «ястребков», народ зашевелился и стал расступаться. А когда появился Евгений Снигур, люди как один горестно охнули и расступились еще шире. И очень скоро посреди расступившейся толпы образовалось свободное пространство, внутри которого тесным рядком лежали пятеро мертвых: женщина, двое малых детей и старик со старухой. В общем – вся семья Евгена Снигура.

– Евгений, – сказал участковый Павло Онысько, глядя на Евгена и судорожно кривя лицо. – Ты того, Евгений...

И больше он ничего не сказал, да и что тут можно было сказать? Здесь все слова были лишними. Здесь, на этом страшном, разоренном островке, лишним сейчас было все – потому

что ничего уже нельзя было поправить. Смерть всегда непоправима. А коль так, то к чему слова? Да и как их выговорить, даже если бы они и нашлись – какие-то необычайные, мудрые слова, которые могли бы все вернуть вспять, восстановить из пепла хутор, оживить убитых? Но нет в этом мире таких слов, да и быть их не может...

Евген Снигур внешне никак не проявил своего отчаянья и горя. Он просто стоял посреди пустого пространства и молча смотрел на пять выложенных в ряд тел. А уж что творилось в его душе – кто это может знать? Может статься, не знал сейчас этого и сам осиротевший Евген. Чтобы понять, что у него происходит в душе – нужны силы. Ох, какие же для этого нужны силы! А где их взять, те силы, именно сейчас, в этот страшный момент? Наверно, для этого нужно время. Или, может, чья-нибудь посторонняя помощь кого-то незримого, любящего и могущественного? Как знать...

Участковый Павло Онысько пришел в себя быстрее других. Он надел фуражку, осмотрелся по сторонам и увидел припиленную на росшей неподалеку ольхе серую бумажку – совсем небольшую, не больше тетрадного листка. Спотыкаясь о головешки, он подошел к дереву и снял бумажку. На ней были написаны карандашом какие-то слова. Буквы были мелкие, неразборчивые и плясали из стороны в сторону. Онысько долго шевелил губами, сиюсья понять смысл написанного, а когда понял, то поднял голову и посмотрел на молчащих людей – на всех разом.

– Вот, – сказал он, – бумажка, оставленная бандитами... Со словами... Хотите, я их вам прочту? Я их все равно вам прочту, даже если вы того и не хотите. Чтоб вы все знали... Вот что в ней написано: «Эти люди казнены как враги украинского народа. Так будет со всеми предателями Украины. Перемога». Вот что написано в этой бумажке... – Онысько опустил руку с зажатой в ней бумажкой, и лицо его вновь судорожно покривилось. Какое-то время он молчал, а затем ровным, глухим голосом спросил, конкретно ни к кому не обращаясь: – Это кто же враги украинского народа? Это кто же предатели Украины? Эти малые дети? Эта женщина? Эти дед с бабой? Кто? Кого они предали? Какую Украину? Вы мне скажите... Ну – что вы все молчите и молчите? Почему вы молчите? Будто вы все немые!

Он с отчаяньем махнул рукой. Бумажка выпала из его руки, но Онысько быстро пришел в себя и тут же поднял ее и положил себе в карман, потому что это была не просто бумажка, а вещественное доказательство. А вещественные доказательства надо беречь, они никогда не бывают лишними.

Подняв бумажку, участковый окончательно пришел в себя. Он подозвал к себе милиционеров, «ястребков» и мужиков из окрестных хуторов и стал давать распоряжения. Работы предстояло много. Во-первых, нужно было осмотреть, а затем прибрать всех пятерых покойников. Во-вторых, тщательно осмотреть пепелище – вдруг бандиты нечаянно обронили еще какое-то вещественное доказательство? Нужно также обойти все окрестные хутора и узнать у людей, что они видели и слышали минувшей ночью. Хотя – для чего их и обходить, когда обитатели всех этих хуторов – вот они, топчутся рядом? Значит, нужно побеседовать с каждым из них – вдумчиво, осторожно, по-умному. Может, что-нибудь и скажут. Для этого, конечно, нужно отдельное помещение, да только где же его взять, когда все – сгорело? А, нет, не все. Вот в отдалении – сарайчик. Его огонь не тронул, может, именно потому, что сарайчик стоял в отдалении. Значит, в нем и будет происходить беседа. А беседовать с народом Онысько будет самолично. С каждым. Хоть до самой поздней ночи. А по окрестным хуторам все-таки надо пробежаться. Мало ли что. Не весь же народ столпился на этом островке, кто-то остался и при хозяйстве. К тому же бандиты могли и не уйти в болота, а затаиться на каком-нибудь хуторе. Все могло быть. Вот пускай «ястребки» и пробегутся по окрестным хуторам. А милиционеры пускай остаются на этом, сгоревшем хуторе. Работы хватит для всех. Когда беда – работы всегда много.

– Значит, так! – обратился Онысько к народу. – Коль уж вы пришли на этот хутор, то никуда не расходитесь, потому что со всеми вами я хочу побеседовать. Понятно вам?

Народ зашелестел и загудел – стало быть, слова участкового людям были понятны.

– А чтоб было еще понятнее, скажу еще раз, – предупредил Онысько. – С хутора без моего позволения – ни шагу! Всякий, кто попытается уйти, будет считаться пособником извергов, которые прячутся в болотах... Все уяснили?

Сказал такие слова Павло Онысько совсем не зря. Он прекрасно осознавал, что некоторые из тех, кто сейчас на хуторе – соглядатаи и осведомители бандитов. Кто именно, этого участковый, конечно, не знал, но то, что они здесь присутствовали, и это был не один человек, а несколько – все это для участкового было очевидным фактом. У бандитов должны быть повсеместно свои глаза и уши – вот они, эти уши и глаза, здесь и присутствовали. Потому что бандитам очень важно знать, как и в какую сторону движется расследование. Участковый даже не сердился на этих неведомых ему соглядатаев и доносчиков. Он понимал, что большинство людей согласились на это из страха за свою жизнь и жизни своих близких. Попробуй не согласишься – так и с тобой, и с твоим хутором будет то же самое, что вот с этим хутором, на котором сейчас присутствует и сам Онысько, и окрестные хуторяне. Сожгут, убьют... Тут уж сердись не сердись...

Да и, по большому счету, сердиться Онысько должен был в первую очередь на себя самого. Именно так, потому что это именно он, Павло Онысько, не может совладать с бандитами. Хотя по долгу службы и обязан. Но долг – долгом, а возможности – возможностями. Попробуй-ка вылови всю эту нежить, которая прячется в болотах, когда у тебя – всего пятеро милиционеров и два десятка «ястребков»! Заболотье – край обширный. Да и прятаться легче, чем искать. А тут еще – этот Перемога. Кто он такой, где его искать? Ничего о нем не известно, ровным счетом ничего! Ни единой мысли, ни одной зацепки! Но зато после каждого душегубства, после каждого сожженного хутора на месте остается бумажка, в которой написано: «Перемога. Перемога. Перемога»... Боятся люди этого Перемогу, да что там – одного этого слова боятся! Вот, говорят, матери пугают даже малых детей этим словом... А напасть на след Перемоги Онысько, как ни старается, пока не может. Так что – на кого ему сердиться, кроме как на самого себя?

– ...И еще, – сказал участковый. – Сейчас мы осмотрим тела, а потом бабы пускай их как положено приберут, а мужики – отнесут их к телегам, что у края болот. Желаящие имеются или мне их назначить самому?

Последних слов Онысько мог бы и не говорить. Потому что желающие, конечно же, имелись. Уж так было заведено в этих краях, что любого покойника всем миром и прибирали, и оплакивали, и хоронили. Даже того, который умер своей собственной смертью. А тут такой страшный случай... Конечно же, и приберут, и отнесут к телегам, и уложат на телеги, и в нужное время похоронят, и оплакивать будут не меньше недели. Все, как и полагается. Но Онысько был властью, потому он и сказал такие слова.

– Ты как? – подошел Онысько к Евгению Снигуру.

– Что? – очнулся Евгений и посмотрел на участкового так, будто увидел его первый раз в жизни.

– Я говорю – что ты сейчас собираешься делать? – пояснил участковый.

– А ты? – глухо спросил Евгений.

– Я хотел осмотреть тела... – он замялся. – Ну, в общем, их осмотреть. Сам понимаешь – надо для следствия.

– Не надо – тебе, – ровным голосом произнес Евгений. – Я сам...

– Но...

– Это мои дети, – все тем же голосом сказал Евгений. – И – моя жена. И мой отец с матерью...

– Я понимаю, – осторожно вымолвил Павло Онысько. – Но все-таки...

– Я сам, – повторил Евгений и усмехнулся деревянной усмешкой. – Не бойся, я ничего от тебя не утаю. Как есть, так обо всем и доложу...

– Хорошо, – сказал участковый. – Пускай будет так. Но, может, ты хотя бы отдашь мне свой автомат?

На это Евгений ничего не ответил, лишь с мрачным видом качнул головой и опустился на колени перед родными телами, чтобы их осмотреть в интересах следствия.

– Не толпитесь! – прикрикнул на людей участковый. – Что вы здесь не видели? Гулянка вам тут, что ли? Всем отойти подальше! А вы что рты раззявили? – эти слова относились к пятерым милиционерам. – Отодвиньте людей! И никого не подпускайте, пока я не скажу!

Конечно, больше всего участкового сейчас беспокоил Евгений Снигур. Даже не то чтобы беспокоил – это слово было неправильным. А просто никогда раньше Павло Онысько не сталкивался с такими случаями. И потому он понятия не имел, как поведет себя Евгений в ближайшую же секунду. А коль так, то он, Онысько, должен быть поблизости от Евгения – до тех пор, пока Евгений не осмотрит родные ему тела. А вот когда он их осмотрит и тела приберут, тогда-то участковый и приступит к опросу хуторян.

Стоял Евгений перед родными телами на коленях совсем недолго. Затем он поднялся и подошел к участковому.

– Из автоматов, – бесстрастно произнес он. – Из ППШ... Всех... Гильзы рядом... Много гильз...

– Понятно, – сказал Онысько. – Будем прибирать?

– Я сам, – сказал Евгений. – Увезу их в Березичи... Там и похороню. Выдели мне в помощь нескольких человек, и все...

– Да, конечно, – согласился участковый и глянул на стоящих неподалеку людей. – Все, осмотр закончен. Берите и несите.

Никто не сказал в ответ ни слова. Просто из толпы вышли несколько мужчин и женщин. Мужчины отошли на край островка – ломать жерди и мастерить из них носилки. Женщины подошли к покойникам, чтобы, насколько это было возможно, привести тела в надлежащий вид.

И сооружение носилок, и приборка тел не заняли много времени. Вскоре пять тел были уложены на ольховые носилки, мужчины все так же молча подняли эти носилки и гуськом направились с острова по проложенным сквозь топь жердям. Женщины, прибиравшие тела, пошли следом. Последним ушел Евгений Снигур. Уходя, он даже не оглянулся на разоренный хутор. Да и зачем ему было оглядываться? Не было у него больше никакого хутора, и семьи на нем также больше не было. Ничего не осталось у Евгения Снигура на этой земле...

Какое-то время Павло Онысько, скривившись, смотрел вслед процессии. Затем он тряхнул головой, надел фуражку и стал раздавать команды.

– Вам, – сказал он милиционерам, – осмотреть хутор. Излазить все, залезть в каждую мышиную нору! Может, найдете что-нибудь интересное... А я пойду вот в тот сарайчик и буду вызывать всякого – по одному. Будем беседовать... Ну, кто первый? Дмитрий Швайко – может, ты? Тогда – пойдём.

Павло Онысько был милиционером опытным. В Заболотье он был участковым вот уже больше двух лет – с той самой поры, как Красная армия выбила из этих краев немцев. Он знал эти края, он прекрасно знал здешний народ, он сам был уроженцем здешних мест, и потому он почти не надеялся, что хуторяне сообщат ему что-нибудь ценное о ночном происшествии и о самих бандитах. Хоть и знают, а все равно не скажут! Потому что – боятся. Молчание в здешних краях ценилось куда выше золота. Золото – не спасет тебе жизнь, а молчание, может быть, и спасет. Промолчи – и ночная нежить из болот, глядишь, и не завернет на твой хутор. Вот потому хуторяне и будут молчать – упорно, не глядя в глаза Павлу Онысько.

Так оно, собственно, и оказалось. Уж как только Павло Онысько не старался разговаривать того же Дмитра Швайко, с каких только сторон к нему не подбирался! И все без толку!

– Да что я могу знать? – пожимал плечами Дмитро Швайко. – Ничего я не знаю... Да я даже огня на хуторе не видел. И выстрелов не слышал. В хате оно ведь и не видно ничего, и не слышно... К тому же спал я, понятно тебе? И все мои домашние тоже спали. И жинка, и дети, и старый дед Нечипор... Оно на то и ночь, чтобы спать. А больше мне и сказать нечего!

Примерно то же самое говорили и другие. Опросив добрый десяток людей, Онысько окончательно убедился, что никто ничего ему не скажет. Он махнул рукой и вышел из сарайчика.

– Спасибо вам, добрые люди! – со злой иронией обратился он к народу. – Вот просто-таки кланяюсь вам низко за вашу помощь! – И участковый шутовски поклонился. – Теперь-то мы обязательно разыщем этих душегубов! Вот прямо-таки к вечеру и разыщем! С такой-то бесценной вашей помощью.

Онысько помолчал, его душила злость и обида на этих безмолвных людей, а кроме того, в нем ворочалось еще и какое-то другое чувство – намного сложнее и непонятнее, чем обида и злость. Может, это была растерянность, может, ощущение беспомощности, может, еще что-то – совсем уже непонятное и оттого страшное... Черт бы все это побрал – и эти болота, и бандитов в них, и этих упорно молчащих людей! На фронте было куда как проще! Вот ты, там – враг... А тут... Угораздило же его, Павла Онысько, податься в участковые! А с другой-то стороны – у него и выбора-то никакого не было, вот ведь в чем дело! «Куда тебе воевать, с такими-то ранениями? – сказали ему. – Отвоевался ты, парень! Вот – становись участковым, если есть желание. Между прочим, тут тоже война. Может, еще страшнее, чем на фронте...» Вот он и воюет. Да только толку от его войны пока что нет никакого. Никаких побед, одни лишь сожженные хутора и убитые безвинные люди...

– Молчите, значит? – продолжил Онысько, обращаясь к народу. – Что ж, молчите... Это ваше право. А только знайте, что чем дольше и упорнее вы будете молчать, тем больше будет происходить подобное, – он обвел рукой пепелище. – И убитых детей с бабами и стариками – тоже будет больше. В конце концов и до вас они доберутся тоже, эти душегубы. Может, даже следующей же ночью... Даже если все вы по-настоящему онемеете, все равно доберутся. Потому что – убивать того, кто молчит, намного проще, чем того, кто говорит. И пока это до вас не дойдет... А, да ну вас! Мне и говорить-то с вами неохота! Потому что нет от этих разговоров никакого толку!

Онысько зло оскалился и отвернулся. Какое-то время он бездумно смотрел на сиротливую печь, которая только одна и осталась после пожара, а затем опять повернулся к людям.

– Я вот что еще хочу вам сказать, – произнес он. – Я знаю, что среди вас есть такие, которые помогают бандитам. Доносчики. Пока я не знаю, кто именно, хотя кое-какие подозрения у меня все же имеются. Но ничего, дайте срок, и все прояснится! Нет на свете такой тайны, которая навсегда оставалась бы неразгаданной! Но я хочу сказать не об этом. Я хочу сказать вот о чем. Не желаете ничего говорить прилюдно, что ж... Это я понимаю. Но тогда скажите мне тайно. Найдите меня и скажите. Так, мол, и так – знаю я кое-что об этих кровопийцах. Так и скажите. Не все же из вас забились в жабы норы, есть же у кого-то из вас совесть! А уж я – никому... То есть то, что будет сказано, останется между нами: между мной и тем, кто мне сказал. Так что вы подумайте над такими моими словами. А пока ступайте с хутора по своим норам! Все! Без вас тошно...

Люди зашевелились и стали расходиться. По одному, небольшими группками... И скоро на сожженном хуторе никого не осталось. Только участковый Онысько и пять милиционеров.

Глава 3

– Ну что, нашли что-нибудь? – окликнул Онысько подчиненных.

Услышав его голос, милиционеры по одному стали выбираться из обгоревших развалин – уставшие и перепачканные сажей.

– Да что тут найдешь! – разочарованно махнул рукой один из милиционеров. – Если что и было, то сгорело. Тем более что неизвестно даже, что искать. Какие такие доказательства могли оставить здесь бандиты? Вон они, доказательства! – Милиционер указал на пепелище. – Других и не надо...

– А тогда... – начал было Онысько, но не договорил, потому что со стороны болота вдруг послышался чей-то громкий и, показалось участковому, взволнованный крик.

Павло посмотрел в сторону, откуда раздавался крик: кто-то торопливо двигался по жердяному настилу, то и дело в спешке оступался, махал руками и кричал. Присмотревшись, участковый узнал в шедшем человеке Степана Жука. Степан жил в Березичах и с недавних пор являлся заведующим сельским магазином. Это был первый магазин, открывшийся в селе после ухода немцев. Ассортимент был в нем немудрящий – соль, сахар, крупы, спички, всякие хозяйственные мелочи, кое-какая одежда, – но все же это был самый настоящий магазин! Теперь селянам и хуторянам не нужно было за всякой мелочью ездить в районный центр. Да еще попробуй доберись до того райцентра! Дорога – одно название, сам райцентр расположен на другом берегу реки, мост через реку хоть и есть, но он далеко. И хорошо, если кто-то согласится перевезти тебя через реку на лодке! А то ведь – простоишь на берегу день-деньской, да так ни с чем и вернешься назад. Что ни говори, а магазин в Березичах – это было просто-таки здорово. К тому же в нем могли отпустить товар в долг, и это также было великое дело, потому что мало у кого из селян и хуторян водились деньги. Где их взять, те деньги? Для этого, опять же, нужно было идти в город с каким-нибудь своим товаром, продать этот товар, а ведь и у горожан денег также было негусто, так что попробуй тот товар еще продать...

И вот – заведующий сельским магазином Степан Жук, торопясь и оступаясь в болотную жижу, приближался сейчас к сгоревшему ночью хутору. Впрочем, вряд ли к хутору, что ему было делать на сгоревшем хуторе? Нет, он торопился к участковому Павлу Онысько! Он, разумеется, знал, что участковый сейчас здесь, на сожженном хуторе. А коль так, то весть, которую хотел сообщить Степан Жук, была очень важной. Уж такой важной, что дожидаться возвращения участкового в Березичи было просто-таки невозможно. А коль оно так, то эта весть была дурная. Страшная, потому что если бы она была хорошей, то можно было бы и не торопиться. Можно было бы дожидаться, когда участковый вернется в Березичи, и уж тогда обрадовать его хорошей вестью. Радость – она умеет ждать, это горе – нетерпеливо.

– Что? – громче обычного спросил участковый, когда Степан Жук наконец добрался до острова. – Что случилось?

– Магазин... – захлебываясь воздухом, произнес Степан Жук. – Магазин...

– Что – магазин? – Онысько подошел к Степану Жуку, взял его за плечо и встряхнул. – Что магазин?

– Обокрали магазин... – сообщил Степан Жук, пытаясь отдышаться. – Вынесли все... И крупу, и муку, и соль, и сахар, и спички, и всю, какая была, одежду и обувь. А потом – подожгли... Подождли магазин, я говорю... Хотя – полностью он и не сгорел. Только наполовину. Сбежались люди, потушили... Вот ведь оно какое дело! Только недавно открылся магазин, а уже ограбили и подожгли...

– Когда это случилось? – спросил кто-то из милиционеров.

– Недавно... Совсем недавно... ранним утром, – ответил заведующий, стараясь вытереть жидкую болотную грязь с лица. – Как только все вы отбыли на этот хутор, так и того... Будто

знали, что в селе никого не осталось. Ни милиции, ни «ястребков»... Подъехали на подводах, сбили замки, весь товар мигом погрузили... Подожгли... И уехали в сторону болот...

– Откуда ты знаешь, что из магазина все вынесли? – спросил участковый. – А может, все сгорело?

– Нет, – покрутил головой Степан Жук. – Вынесли... Ведь не осталось же ничего в магазине... то есть в той части, которая не сгорела. Да и к тому же несколько мешков с крупой валялись на дороге. Обронили, наверно, в спешке... Вот я и прибежал к вам сюда... Потому что дело-то какое... страшное дело!

– Ну а ты-то сам где был, когда грабили и жгли магазин? – спросил Онысько.

– А дома я был, – ответил Степан Жук. – Время-то было ранее... То есть я не успел еще прийти в магазин. А то, если бы я там был, они бы меня того... Они же никого не оставляют в живых! Известное дело...

– Они – это кто? – спросил участковый.

– Они... – повторил Степан Жук, пошарил в кармане и вытащил оттуда смятый серый клочок бумаги. – Вот – я нашел припиленным на дереве у магазина. Там написано...

Павло Онысько взял бумажку и стал читать. Он, конечно же, догадывался, что в ней написано, он, можно сказать, знал те слова наизусть еще до их прочтения. Но он все же их прочитал вначале про себя, а затем и вслух:

– «Мы, честные украинцы, забираем этот товар, чтобы вести борьбу за наше святое дело – свободную Украину. Привозите еще, мы не откажемся. Перемога». Вот что написано в этой бумажке, – участковый по очереди оглядел всех своих подчиненных.

– Понятное дело, что не любовное признание Маричке с соседнего хутора! – угрюмо произнес один из милиционеров. – А все-таки – ловко придумали! Дождались, пока мы все выедем из Березичей на этот хутор, и того... Будто знали, что в селе никого из нас не осталось!

– Конечно, знали! – отозвался другой милиционер. – Да и что тут знать? Все знали. В селе – разве что-нибудь скроешь?

– Так-то оно так, – в раздумье проговорил первый милиционер. – Вот только как они успели – так быстро?

– Сообщил им кто-то заранее, вот и успели, – предположил второй милиционер. – Подошли ночью к селу, затаились, дождались, пока мы все уйдем – ну и напали.

– Да, но кто-то же им обо всем сообщил! – почесал в затылке первый милиционер. – Причем очень скоро. Уж так скоро, будто этот информатор живет где-то совсем рядом, в самих Березичах.

– И чему ты удивляешься? – пожал плечами второй милиционер. – Ну, живет. Ну, в Березичах. Много разного народа живет в селе. Всякие живут.

– А вот мне интересен еще такой вопрос, – глянул на Жука третий милиционер. – Степан, вот ты говоришь, что они увезли товар на подводах. Но откуда ты это знаешь, коль ты сам, по твоим словам, был дома?

– Так ведь на чем еще можно увезти такую прорву товара? – удивился Степан Жук. – Только на подводах.

– А откуда они раздобыли столько подвод? – удивился третий милиционер. – Ведь у них-то самих никаких подвод нет – это нам достоверно известно! В болотах для чего подводы? Ведь утопнут – и подводы, и кони. А тут такое количество лошадей и бричек! Откуда, спрашивается?

– Вот что я вам скажу, братцы! – хлопнул себя по лбу первый милиционер. – Сдается мне, что все это было спланировано! Да! Рассудите сами. Вначале они раздобыли подводы. Затем ночью, чтобы никто не видел, подогнали их к Березичам и укрыли в леске. Лесок-то неподалеку. Той же ночью они сожгли хутор Евгена Снигура и постреляли людей. И когда мы все с утра пораньше ринулись на тот хутор, они преспокойно вошли в Березичи, разграбили

магазин и так же спокойно ушли. Говорю вам – это спланированная операция! Обвели нас вокруг пальца, как курят.

– Может, оно так, а может, и не так, – вмешался в разговор участковый. – А пока вот что. Четверо из вас отправляются вместе со Степаном в Березичи. Один остается со мной. Ступайте к магазину. Возьмете его под охрану, посмотрите, что там и к чему. Поговорите с людьми... И ждите нас. Когда мы тут управимся, тоже подойдем к вам. И вместе будем думать, что делать дальше.

* * *

Дождавшись, пока четыре милиционера и Степан Жук покинут хутор, Павло Онысько вытащил из кобуры ракетницу и запустил в воздух ракету. Потом еще одну. Это был условный сигнал, означавший, что все «ястребки», которые сейчас были на соседних хуторах, должны немедленно вернуться на хутор Евгена Снигура. Бывший хутор, правильнее говоря.

Вскоре стали подходить «ястребки», удивленные и встревоженные.

– Что случилось? – спрашивал у участкового каждый из них. – Почему ракетами сигнал подавали?

– Соберетесь все, тогда и скажу, – хмуро отвечал каждому из них Онысько. – Чтобы не повторяться.

Когда все «ястребки» собрались на сожженном хуторе, участковый спросил у них:

– Ну так что? Нашли кого-нибудь на хуторах?

– Если бы нашли, то ты бы это услышал издали, – усмехнулся один из «ястребков». – Но, как видишь, никого не нашли. Да и не такие они дураки, чтобы таиться на хуторе. Это после такого-то страшного дела! Знали ведь, что мы станем их искать! Потому и ушли в болота. А там попробуй их найди.

– Ну а народ-то – что говорит? – спросил Онысько.

– Народ? – усмехнулся «ястребок». – Молчит народ... Потому что боится.

– Ладно! – кивнул участковый. – Дело тут такое... Пока мы все толпились на этом острове и разгуливали по соседним хуторам, тем временем в Березичах ограбили магазин. Говорят, что вынесли все, что только можно. И подожгли...

– Ах ты ж, матушка моя родимая! – присвистнул кто-то из «ястребков». – Значит, мы – сюда, а они – туда? Лихо, ничего не скажешь!

– Да, лихо, – скривился Павло Онысько.

– Что, кого-то убили? – спросил «ястребок».

– На этот раз вроде никого, – ответил участковый.

– И на том спасибо! – буркнул «ястребок».

– Значит, так, – сказал участковый. – Сейчас все мы идем в Березичи. Все равно здесь, на болотах, нам делать больше нечего, потому что и без того нам известно, кто ночью спалил хутор и пострелял людей.

– Ну так оно и насчет магазина нам все известно! – пожал плечами «ястребок». – Знаем мы распрекрасно, чьих рук это дело...

– Ну а коль знаем, то будем думать, как их ловить, – сказал участковый.

– Это в болотах-то? – скривился «ястребок». – Поймаешь их там, как же!

– А тогда будешь ловить их у своей коханки под юбкой! – разозлился вдруг один из «ястребков». Его звали Олекса Цыганок, он был заместителем Евгена Снигура. – Что за разговоры? Да, будем ловить в болотах! Или, может, ты ждешь, пока они выжгут все окрестные хутора и поубивают всех их жителей? А может, ты и сам один из них, а? Коль уж так не хочешь, чтобы мы шли в болота!

– Это я один из них? – «Ястребок» сжал кулаки и подошел к Олексе вплотную. – За такие слова можно остаться и без зубов! И даже без головы!

– Тихо! – прикрикнул на них участковый. – Развоевались тут! С болотянками бы так воевали, как друг с другом! Все, идем в село!

Проходя мимо хутора, где жили Василь и Горпина, участковый вспомнил, что обещал поговорить с ними и просил, чтобы они никуда не уходили с хутора.

– Покурите, – сказал он своим спутникам. – Я скоро...

Василь и Горпина были дома, они паковали домашний скарб.

– Никак задумали переезжать с хутора? – спросил Онысько. – И куда же, если не секрет?

– В Березичи, куда же еще, – неохотно ответил Василь. – Там мне обещали работу. Еще когда Пилипчук был живой.

– Слышал, – сказал Онысько. – И что же – не боишься?

– Кого это? – криво усмехнулся Василь.

– Сам знаешь кого.

– Так оно ведь и тут страшно, и там – тоже, – ответил Василь. – А жить-то все равно надо. На хуторах, пожалуй, еще страшнее. Вот Снигуры тому пример. Был хутор – и не стало хутора...

– И тех, кто на нем жил, тоже не стало, – жестко произнес участковый. – Всех постреляли. Кроме Евгена.

Горпина испуганно вскрикнула и зажала себе рот ладонью.

– Вот, значит, как, – оглянувшись на жену, сказал Василь. – Значит, и людей...

– Да, – все тем же жестким тоном произнес Павло Онысько. – И людей... Вот я и хочу у вас спросить. Вы живете неподалеку, можно сказать, по соседству. Так, может, что-нибудь слышали этой ночью? Или кого видели?

– Кого мы могли видеть в такой тьме? – пожал плечами Василь. – Может, кто и проходил мимо нашего хутора, но к нам-то не заходил никто...

– Что, и собака не лаяла? – поинтересовался Онысько. – Ведь оно как: если ночью загавкала собака, то хозяин обычно выходит во двор, чтобы узнать, отчего она гавкает. Так что там насчет собаки?

– А нет у нас собаки, – сказал Василь.

– Это как так нет? – удивился участковый. – Ведь была же! Я точно помню! Здоровенная такая! Белая с черными пятнами.

– А ушла со двора, – сказал Василь. – Вот уже неделю тому. И не вернулась.

– Это как так ушла? – еще больше удивился участковый. – Да чтобы собака покинула хозяйский двор... Неслыханное дело!

На это Василь лишь молча развел руками.

– Ну, хорошо, – сказал участковый. – Ушла и ушла. Но вы-то сами ничего не видели и не слышали?

– Да как же, – ответила на этот раз Горпина. – Слышали и видели... Вначале вроде как кто-то стрелял, а потом на хуторе у Снигуров пожар начался. Страшный такой, сильный пожар...

– Это – да, – подтвердил Василь. – Но кто там стрелял и в кого, и что жгли – откуда же нам знать? Сами-то мы туда не пошли. Побоялись.

– Значит, уезжаете? – после короткого молчания спросил участковый. – Ну, что ж... Вольному – воля. Желаю хорошо устроиться на новом месте.

И, не прощаясь, он покинул хутор. Василь и Горпина какое-то время смотрели ему вслед, а затем Горпина сказала:

– А ведь не поверил он нам – насчет собаки...

– И что же с того? – пожал плечами Василь. – Поверил, не поверил... Какая разница? Давай-ка лучше укладываться. Надо собрать все вещи засветло.

Горпина вновь принялась за дело. Но при этом тяжело вздохнула. А потом, спустя короткое время, вздохнула еще раз. И еще раз произнесла вслух, на этот раз уже самой себе:

– А ведь не поверил он насчет собаки! Ой, не поверил...

Глава 4

Все оказалось и в самом деле так, как говорил заведующий магазином Степан Жук. Из магазина был вынесен весь товар, который представлял хоть какую-то ценность: и крупы, и соль с сахаром, и мука, и спички, и свечи, и одежонка, и обувь... Что-то из товара, в спешке обрonnenное, валялось там и сям, но большая его часть из магазина исчезла. Само здание магазина было подожжено.

Прибыв на место, милиционеры и «ястребки» принялись осматривать место, да только ничего особенного осмотр не дал. Все было затоптано, да еще и ветер, принявшийся дуть со стороны болот, мигом замел следы. Земля, на которой расположились Березичи, была песчаной, песок здесь был повсюду, а песок для ветра – сущая забава. Дунул ветер – и нет на песке никаких следов.

Ничего путного не дал и опрос селян. Нет, народу-то было много, селяне осторожно подходили к магазину, опасливо косились на обгоревший угол здания, перешептывались между собой. Но перед участковым Павлом Онысько и другими милиционерами люди упорно безмолвствовали. Ничего, мол, мы не видели и не слышали, и не знаем, и даже не предполагаем. Сам Онысько, наученный горьким опытом, никаких особых откровений от селян и не ожидал, но все равно это глухое, непрошибаемое молчание, в конце концов, даже его вывело из терпения.

– Да как это ты ничего не видел и не слышал, когда ты живешь совсем рядом с магазином! – напустился он на одного селянина. – Как такое может быть? Да тут одних только подвод было с десятков, если не больше! Как же можно их не увидеть? Как можно их не услышать? Ты что же, убогий, издеваешься надо мной? Или ты вдруг ослеп и оглох? Как и все твоё семейство?

– А не видел я ничего! – упорно гнул свою линию селянин. – И не слышал! И жинка моя то же самое. И дети... Хочешь, так сам у них спроси.

– И две твои собаки тоже не гавкали? – безнадежным тоном поинтересовался Онысько.

– И собаки не гавкали, – покорно согласился селянин.

– Наверно, они тоже у тебя ослепли и оглохли, – предположил Онысько. – Как и ты сам.

– Наверно, – согласился селянин.

– Вот дать бы тебе по лбу за такие твои слова! – в сердцах высказался Онысько. – Чтобы ты надо мной не издевался!

– Ну, дай, – опять выразил согласие селянин. – На то ты и власть, чтобы всем давать по лбу. Это же так просто! А ничего другого ты все равно не умеешь.

Онысько хотел что-то возразить селянину, но лишь махнул рукой. Какое-то время он молча стоял, в задумчивости глядя на обгоревший угол магазина, затем подозвал к себе всех «ястребков» и милиционеров.

– Значит, такое дело, – сказал он. – Они приезжали сюда на подводах. Мыслью, подвод было не меньше десятка. Товару-то увезено много! А отсюда вопрос: куда они направились с тем товаром?

– Наверно, к болотам, – предположил кто-то из «ястребков». – Куда же еще? А там – перетаскали товар на себе в глубь болот. Им все сгодится – хоть мука, хоть галоши...

– Это – понятно, – согласился Онысько. – А, значит, лошадей с брчками они оставили на краю болот. В болота они их с собой не возьмут. Это – дело немыслимое. Там и человек-то пройдет с трудом, а не то что лошадь с брчкой. Значит, нам срочно нужно найти тех лошадей. Чьими бы они ни были, а найти. Во-первых, лошади – это... в общем, попробуй прожить в здешних краях без лошади! А во-вторых, они – это доказательство. Всем понятно?

– Понятно-то оно понятно, – в задумчивости отозвался кто-то из «ястребков». – Если только они их не постреляли, тех лошадей. А что – запросто! Зачем им теперь лошади? А надо будет, добудут себе других.

– Вот вы это и выясните! – жестко распорядился Онысько. – В общем, так. Все «ястребки» отправляются на поиск лошадей с подводами! Олекса, ты где?

– Я тут, – отозвался Олекса Цыганок.

– Бери бойцов, не забудьте про оружие и отправляйтесь! Ты теперь за командира. Из Евгена какой сейчас командир. Ищите коников! И найдите. Приказ ясен?

– Ясен, – сказал Олекса Цыганок.

– Тогда – ступайте! – махнул рукой участковый. – А я с милиционерами покамест буду разгребать другое горе. Его тут целая гора, этого горя.

– Значит, так, хлопцы! – вздохнул Олекса Цыганок. – Проверяем оружие, считаем патроны, подтягиваем штаны, чтоб по ходу их не потерять, и вперед, искать коников! Думаю, что далеко ходить нам не придется. Болота – вот они, рукой отсюда дотянуться можно. Да не забывайте по пути вертеть головами во все стороны и приглядываться к кустам! А то вдруг кто-нибудь захочет из них в нас пострелять... Ну, пошли, что ли...

* * *

«Ястребки» все были селянами и хуторянами, а любой селянин и хуторянин сызмальства без труда различит, когда и куда ехала подвода и какая животины в нее была запряжена – кони или волю, и пустой была бричка или груженой, и сколько раз подвода в пути останавливалась, и по какой причине она останавливалась. Это была элементарная крестьянская азбука. Поэтому хлопцы, читая эту азбуку, без всякого труда напали на след уехавших подвод.

– Я же говорю – к болотам они подались! – всматриваясь в еле видимые в траве следы от колес и копыт, произнес один из «ястребков». – Могу даже сказать, куда именно они направились. Скорее всего, к Панскому броду. Через него проще всего уйти в болота. Особенно если на тебе груз. Я и сам с отцом в прежние времена ходил сквозь него не раз.

– Ну, пошли тогда к Панскому броду, – согласился Олекса Цыганок. – Но только не гурьбой, как на гулянку! А то вдруг они устроили у брода засаду! Знают ведь, что мы пойдем по их следам... В общем, так. Гнат, Левко и Гаврило – вы разведка. Вы пойдете впереди. Да осторожно, перебегая от кустика к кусту! А мы – за вами. И если что, сигнальте. А там разберемся.

Гнат, Левко и Гаврило ничего не сказали, лишь молча кивнули, сняли с плеч винтовки и скрылись в кустах.

– Пошли и мы, – выждав несколько минут, сказал Олекса Цыганок. – Оружие всем держать наготове. И никому не курить. И не разговаривать!

До Панского брода разведчики добрались без всяких приключений. Подойдя к нужному им месту, они затаились в густом кустарнике и долго лежали там, не двигаясь, всматриваясь и вслушиваясь в тишину. Больше, конечно, вслушиваясь, потому что разглядеть что-либо сквозь заросли лозняка, ольшаника и осинника было делом почти невозможным.

– Сдается, нет там никакой засады! – шепнул наконец Гнат. – Все ушли в болота... И коней что-то не видно...

– А вот мы сейчас проверим – кто тут есть, а кого нет! – сказал Гаврило. – Есть один хороший способ...

Он нащупал увесистую палку и, привстав, швырнул ее в близлежащий кустарник. Кусты всколыхнулись и затрещали, из них с испуганным криком вылетели несколько птиц. Но это и все. Ни людских голосов, ни выстрелов в ответ не послышалось.

– Я же говорю – ушли они все! – сказал Гнат. – Да оно и понятно. Богатства – много, тут каждый человек на счету. Не оставлять же его на берегу, богатство-то... Ну так я вернусь к хлопцам и приведу их сюда. А вы пока покараульте. Оно хоть никого тут и нет, а все равно не помешает...

Вскоре к двум разведчикам с осторожностью стали подбираться другие «ястребки».

– Так никто и не отозвался? – спросил Олекса Цыганок у Левка и Гаврилы. – Вот и хорошо. Тогда выбираемся из этих кустов! Но осторожно!

По одному и по двое «ястребки» стали выходить на открытое пространство, примыкающее к болоту. Да, никакой засады, похоже, болотяныки и вправду не оставили, но зато вскоре «ястребки» увидели другую беду, которая, если разобраться, было, куда как хуже и страшнее любой засады.

– Хлопцы! – испуганно и растерянно вскрикнул кто-то из «ястребков». – Скорее сюда! Вот! И вот... Господи...

Прибежавшие на зов хлопцы увидели картину, страшнее которой, пожалуй, для крестьянина и быть не может – мертвых лошадей. Их было много, убитых коников, никак не меньше десятка. Неподвижными, страшными холмами они лежали тут и там, и над ними уже назойливо кружили лесные птицы.

– Они же их... они же их и вправду постреляли! – пораженно произнес кто-то из «ястребков». – Вот, выстрелом в ухо... Да как же так? Зачем... их-то? Звери...

– А ты что же, хотел, чтобы они тебе их вернули в живом виде, да еще и заплели для красоты красные ленточки в гривы? – свирепо оскалился Олекса Цыганок. – Да еще и спасибо сказали? Ну тогда жди! Дождешься...

– Но ведь кони... – не мог прийти в себя «ястребок». – У кого-то же они их забрали. Как же ему теперь жить, у кого они забрали коня?.. Ведь что же это за хозяйство без лошади?

– Осмотреть все вокруг! – продолжая свирепо скалиться, велел Олекса Цыганок. – Сосчитать всех убитых коней! Снять с них сбрую! Поискать, может, есть и живые кони... Поискать также и брички! К коням и бричкам прикасаться с осторожностью! А то вдруг они оставили под ними для нас гостинец! Все, хлопцы, идите.

Искать пришлось недолго. Всего было обнаружено одиннадцать застреленных лошадей. И три живые лошади. Отчего их не застрелили тоже, таким вопросом никто из «ястребков» не задавался, потому что это был бессмысленный вопрос. Было также найдено семь бричек. Пустых, конечно же, но зато целых. И тут у «ястребков» никаких вопросов не возникало. Брички бандиты не уничтожили по той причине, что это дело долгое. А они торопились уйти в болота с ценным грузом. Да и что такое бричка без лошади? Лошадь, она куда важнее брички. Потому бандиты и постреляли лошадей, а брички оставили.

– Берем трех коников за поводья и топаем обратно, – командовал Олекса Цыганок. – Доложим все как есть начальству, а дальше – поглядим. Все, в путь! – Он помолчал и добавил, обращаясь уже исключительно к самому себе: – Жалко, конечно, коников. И людей жалко. Всех жалко. Хотя те, кто пострелял лошадок, какие же они люди? Они даже не звери. Я даже не знаю, кто они такие...

* * *

Пока «ястребки» искали лошадей, участковый Павло Онысько встретился с председателем сельского совета Михайлом Хижняком. Надо было поговорить и решить, что делать дальше. Разговор происходил в сельском совете – длинном, приземистом здании из почерневших бревен, которое осталось в селе еще с польских времен. Но не успел разговор начаться, как в помещение молча вошел и уселся на лавку – напротив участкового и председателя сельсовета – Евген Снигур. Автомат был при Евгене, он лишь снял его с плеча и положил рядом

собой. Ни Павло Онысько, ни Михайло Хижняк ничего на это не сказали и стали смотреть на Евгена с молчаливой растерянностью.

– И долго вы будете на меня смотреть? – усмехнувшись одними лишь губами, спросил Снигур. – Я-то пока еще живой... Вы ведь собрались, чтобы поговорить, что делать дальше, не так ли? Вот и я хочу поучаствовать в разговоре. Потому что этот разговор касается и меня – разве не так?

– Так, – кивнул Михайло Хижняк. – И тебя тоже, даже больше, чем всех прочих, поскольку ты – командир «ястребков». А только...

– Похороны будут завтра, – сказал Евген. – А сегодня – будут разговоры. И дела...

– Оно так, – согласился председатель сельсовета. – На все свой черед. Что ж... Так что будем делать? А ведь что-то делать – надо, потому что дальше будет только хуже! Те, которые прячутся в болотах, уже и сейчас полновластные хозяева во всем Заболотье! А что будет завтра? А что мы делаем? А ничего. Оттого они и чувствуют себя хозяевами, что мы – ничего не делаем. Павло, скольких бандитов вы обезвредили за последний месяц?

– Трех, – нехотя ответил Онысько. – Застрелили ночью...

– Трех застрелили, – вздохнул Хижняк. – А скольких за это время застрелили и сожгли они? Вот то-то и оно. Да и что с того толку, что вы их застрелили? С мертвого не спросишь... А нам многое надо бы знать. И сколько их, и где они прячутся, и кто их помощники на хуторах и в селе... А главное – кто он, этот Перемога? Вот ведь – не будь этого окаянного Перемоги, то, может, и вся эта нежить повылазила бы из болот да разошлась по домам. Но, похоже, уж очень сильно они боятся этого Перемоги. Оттого и свирепствуют. Что Перемога им приказал, то они и делают... Вот и надо было не стрелять тех троих, а взять живыми. И выпытать у них все о Перемоге.

– Так уж получилось, – мрачно развел руками Онысько. – Они стреляли по нам, мы – по ним. Мы оказались ловчее...

– Ловко стрелять – это, конечно, хорошо, – скривился Михайло Хижняк. – Да только мне кажется, что, помимо стрельбы, есть и другие способы захватить бандитов. Всякие такие хитрости...

– Кто бы меня научил таким хитростям? – вздохнул Онысько. – Я ведь в участковые прямо с фронта подался. Верней сказать, прямо из госпиталя. Что, в общем, одно и то же. А на фронте – там никаких таких хитростей не надо...

– Ну так учись сам! – недовольно произнес Хижняк. – И милиционеров своих учи заодно. А то ведь одно название у них милиционеры.

– Научиться-то можно всему, – покачал головой участковый. – Да только пока мы будем учиться, они, которые в болотах, повыжгут все хутора, а заодно, может, сожгут и село. А кого не сожгут, того запугают. Хотя куда уж больше? Народ и так запуган до крайности. Нет, тут надо как-то по-другому. А вот как – кто бы мне это сказал?

– А, может, тут как раз и надо поступить по-фронтовому? – отозвался Евген Снигур.

– Это как же именно? – удивленно спросил участковый.

– А очень просто! – резко ответил Снигур. – Пойти в болото, найти их там и всех перестрелять! А на кого не хватит пули, того утопить в болоте!

– И кто же пойдет? – со скепсисом спросил Павло Онысько. – Я со своими пятью милиционерами и ты со своими двадцатью «ястребками», которые и стрелять-то толком не умеют? Грозная сила, ничего не скажешь! А сколько укрывается в болотах бандитов, ты знаешь? Не знаешь. А какое у них вооружение, тебе известно? Неизвестно. А какими тропами они уходят в болота, выходят из них и вновь уходят? Это тебе ведомо? А каких гостинцев они поставили на болотных тропах? Может, хоть это тебе известно? Вот видишь, ничего-то нам пока неизвестно. Потому и соваться в болота нам не следует. Дурное дело – без всякого толку сгинуть в тех болотах. Нет, Михайло прав: тут надо как-то по-другому...

– И как же? – резким тоном поинтересовался Евген Снигур.
– Я думаю, что... – начал Онысько, но не закончил, потому что за окном раздался шум.
– Вернулись наши «ястребки», – глянув в окно, сказал Михайло Хижняк. – Ой, чувствует мое сердце...

Они втроем вышли на крыльцо. У сельсовета толпились вернувшиеся «ястребки».

– Вот, – сказал Олекса Цыганок одновременно Хижняку, Снигуру и Онысько. – Вернулись мы... И коников тоже нашли. Всего три лошадки. А еще одиннадцать – лежат у Панского брода. Постреляли их... А брички не тронули. Целые брички. А сами бандиты ушли в болота. Должно быть, спешили, потому что даже засады не оставили. Только и успели, что пострелять коней. Такие дела...

– Значит, вдобавок ко всем прочим нашим бедам еще одна беда прибавилась, – горестно констатировал председатель сельсовета. – Убитые бандитами лошади... Знать бы еще, чьи они, эти лошади.

– Да что тут знать! – вздохнул Цыганок. – Все тут понятно. На всех конях – и пострелянных, и живых – одно и то же тавро. Из Глушан все они, эти кони. Там – совхоз, и, значит, имеется совхозная конюшня. Вот оттуда их и увели. Думаю, что и брички тоже оттуда. Так что сообщайте в Глушаны, пускай приезжают и забирают все, что осталось. И коней своих заодно похоронят. Вот ведь что делается – сплошные похороны! И людей хоронят, и коней.

– Заходи в сельсовет, – только и сказал Олексе участковый. – Мы тут как раз совещаемся. Присоединяйся.

– Так вот, – продолжил прерванное совещание участковый Павло Онысько. – Сами мы с этими болотными тварями вряд ли справимся. Только людей положим. Значит, нам нужна помощь. Тем более что когда меня сюда назначали участковым, то так и говорили: если что, зови на помощь. Придем и поможем. Думаю, что надо позвать.

– И кого же ты намерен позвать? – поинтересовался Олекса Цыганок. – Может, солдат? Или милицию из района?

– Ну, это решать не нам, – пожал плечами участковый. – Кого пришлют, тот нам и будет помогать. Там, – он указал куда-то вдаль, – головы поумнее наших. Разберутся, кого прислать. Ну а мы им поможем, чем сможем. Что скажете на такие мои слова?

– Да что тут сказать? – в раздумье проговорил Михайло Хижняк. – Думаю, правильные твои слова. Надо просить помощи. И не надо опасаться того, что там, в районе, тебя станут ругать за то, что ты сам не можешь справиться с этими разбойниками. Ну, может, и поругают, так и что с того? Но и поймут! Во-первых, не ты один ничего не можешь поделать с бандитами, а все мы вместе. Во-вторых, попробуй с ними справься – с нашими-то силами и возможностями! Да еще когда народ до такой степени запуганный, что никто и помогать нам не хочет... Так что поезжай в район за помощью. Вот завтра с утра и отправляйся.

– А вы что скажете? – глянул участковый на Евгена и Олексу.

– А что тут сказать? – пожал плечами Олекса. – Не можешь построить свою хату – иди в примачи. Вот и весь сказ... Хотя, конечно, и обидно. Ведь у нас – сила. «Ястребки» и милиционеры – это же больше двух десятков хлопцев!

– Да уж, сила... – скептически ухмыльнулся председатель сельсовета. – Ни те ни другие даже толком не знают, за какой конец держать винтовку.

– Ну уж это ты зря! – оскорбился Олекса Цыганок. – Еще как знают! А кто на минувшей неделе уложил сразу троих бандитов! А у наших – ни у кого даже царапины! Так что кое-что мы умеем!

– А хоть бы и так! – упрямо потряс головой Михайло Хижняк. – Хоть бы вы что-то и умели! Но их-то, на болотах, добрая сотня человек! А сколько их затаилось у нас в селе и на хуторах? А они-то, которые в селе и на хуторах, еще опаснее тех, которые на болотах. Потому

что в любой момент могут ударить тебе в спину. Ты, значит, к нему со всей душой, а он тебе – в спину...

– Да плюс к тому же – их вожак, – добавил Онысько. – Перемога... Лихой вожак, что и говорить! А кто он, где он, как выглядит – мы этого не знаем. Будто и не человек он, а ночная нежить. Возник, распахнул крылья, сотворил беду и скрылся во тьме... В общем, еду завтра же в район за помощью! Решено!

– Завтра – похороны... – мрачно произнес председатель сельсовета.

– Да, похороны, – вспомнил Онысько. – Будем хоронить... Что ж, поеду послезавтра.

* * *

На похороны пришли почти все жители Березичей и окрестных хуторов. Были даже люди из соседних Глушан – они как раз в это время приехали забирать брички и трех лошадей, которых не застрелили бандиты. Ну и заодно закопать пострелянных коников у Панского брода.

Похороны были как похороны – в соответствии с традициями. Женщины плакали и причитали, мужчины с мрачными лицами стояли у гробов. Среди мужчин был и Евгений Снигур – на этот раз без автомата за плечами. Автомат у него мягко, но решительно отобрал Олекса Цыганок.

– Зачем тебе сейчас автомат? – спросил он. – Не нужен он тебе сейчас. Пускай он побудет у меня. А потом я его тебе отдам.

Евгений Снигур внешне никак не выражал своего горя. Он просто стоял у выставленных в ряд больших и маленьких гробов и рассеянно тербил в руках фуражку. Ну а что в это самое время творилось у него в душе – да кто же о том может сказать?

Нарушил неизменный похоронный ритуал председатель сельсовета Михайло Хижняк. Обычно никто в Березичах не говорил над покойниками никаких речей – хоронили в безмолвии. Наверно, кто-то и молился, но молился молча, а не вслух. Такова была древняя, от дедов-прадедов, традиция в здешних местах.

Но в этот раз она была нарушена. Когда молчаливые мужики уже совсем были готовы поднять гробы и нести их на кладбище, Михайло Хижняк вдруг выступил вперед и сказал:

– Подождите, люди добрые... Не торопитесь. Туда – спешить не нужно, там опозданий не бывает. А потому послушайте меня. Вот мы сейчас хороним пятерых безвинно убитых людей. Женщину, двух малых детей, деда с бабой... Мы все знаем, кто их убил. Ведь знаем же, разве не так?

Народ после таких слов колыхнулся, будто это были не люди, а деревья в лесу, на которые внезапно налетел ветер. Но при этом никто не произнес ни слова.

– Вот видите, все мы знаем и кто их убил, и за что их убили. Ни за что их убили... Те, кто их убил, они даже не звери, потому что никакой зверь не убивает просто так. Значит, они хуже зверей. Они – болотная нежить, которой не может быть места на земле. Потому что на земле нужно жить, а не убивать...

Михайло Хижняк умолк и обвел глазами стоящих вокруг людей. Люди по-прежнему молчали. Было видно, что они согласны с каждым словом председателя сельсовета, но они безмолвствовали.

– Я знаю, – продолжил свою речь Михайло Хижняк, – что сейчас меня слушают и такие люди, которые уже сегодня вечером передадут мои слова бандитам. Что ж, пускай передают. Это даже будет хорошо, если передадут. Пускай вся эта болотная нежить знает, что ее ждет. А ждет бандитов скорая и страшная гибель, вот что! Если, конечно, они не одумаются и не выйдут из своих болотных нор. Скорая и страшная гибель! Это им говорю я, Михайло Хижняк! Вы меня знаете – я не говорю напрасных слов. Скорая и страшная гибель! Потому что им нет места на земле! На земле должны жить люди, а не болотная нежить! Вот...

– Я присоединяюсь ко всем этим словам, – выступил вперед и Павло Онысько. – Можете также передать им мои слова. Мы объявляем им беспощадную войну! И мы победим в этой войне. Мы не можем в ней не победить, потому что иначе они победят нас. А теперь можете хоронить.

Мужчины все так же молча подняли гробы на плечи, и скорбная процессия направилась к кладбищу. Евгений Снигур с бесстрастным лицом шел вслед за мужчинами, несшими гробы. Рядом с ним, не сводя с Евгения глаз, шел Олекса Цыганок и еще два «ястребка». На всякий случай, а то мало ли что может сотворить человек, которого постигло горе, из которого нет исхода?

Но Евгений Снигур ничего такого не сотворил. Он был настолько спокоен и бесстрастен, что со стороны невольно казалось, будто он сделан из дерева и нет в нем никакой души, а значит, и никакого горя.

Когда похороны окончились, Евгений подошел к Павлу Онысько.

– Значит, ты завтра едешь в район? – спросил он.

– Да, – кивнул участковый, – завтра. А чего ждать? И без того дождались...

– Я поеду с тобой! – решительно произнес Евгений.

– Но... – участковый даже растерялся от таких слов.

– Я поеду с тобой! – повторил Евгений. – А что еще мне остается делать на этой земле? Только воевать. Воевать и воевать, каждую секунду моей жизни.

Павло Онысько хотел сказать еще что-то, может быть, согласиться со страшными словами Евгения, может быть, возразить, – но тут вдруг раздались сразу несколько испуганных женских голосов. Участковый невольно схватился за кобуру и глянул в ту сторону, откуда раздавались голоса.

– Вот, – голосили несколько женщин и указывали на один из крестов над свежей могилой. – Вот видите... и здесь тоже! Да что же это такое творится!

Участковый подбежал к голосащим женщинам и тоже глянул на новый крест. На нем трепыхался клочок серой бумаги. Привлеченные криками, к кресту стали сходить люди.

– Так... – сжав зубы, произнес участковый и оглянулся на людей. – Стойте, где стоите! Никому не двигаться!

Люди в испуге замерли. К участковому уже подбегали милиционеры и кто-то из «ястребков».

– А вам что же, нужны особые слова? – рявкнул на них Павло Онысько. – Замрите тоже! И начинайте смотреть под ноги! А то вдруг – гостинец...

Осторожно, шаг за шагом, участковый стал приближаться к кресту. Никакого гостинца под ногами он не обнаружил, и вскоре был уже у самой могилы. Осмотрев могилу и ничего подозрительного не обнаружив, Павло Онысько снял с креста прищипленную серую бумажку. На ней карандашом были написаны слова. Павло пробежал их глазами.

– Так... – еще раз произнес он.

– Что там? – спросил Олекса Цыганок.

– Все то же самое, – страдальчески скривившись, ответил участковый. – Слушай, если интересно. Все слушайте. «Так будет со всеми врагами Украины. Патронов у нас хватит. Перемога». Вот что написано на этой бумажке...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.